

АСЯ ЛАВРИНОВИЧ ТАМ, ГДЕ ЖИВЕТ ЛЮБОВЬ

«Эта книга должна
быть на вашей
полке и в вашем
сердце».

@bread_and_books

Young Adult. Инстахит

Ася Лавринович

Там, где живет любовь

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 4(2Рос=Рус)6-44

Лавринович А.

Там, где живет любовь / А. Лавринович — «Эксмо»,
2020 — (Young Adult. Инстахит)

ISBN 978-5-04-109358-7

Вере Азаровой хватало неприятностей, но их стало больше, когда мечта всех девчонок Марк Василевский обратил на нее внимание. Кто-то начал присылать Вере анонимные сообщения с угрозами. Возможно, это самая красивая девчонка школы, которая также положила глаз на Марка? Вот только Вера не боится завистников и отправляется в летний лагерь, чтобы быть рядом с парнем своей мечты. Но сможет ли она добиться своей цели, когда вокруг столько соперниц и недоброжелателей?

УДК 821.161.1-31
ББК 4(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109358-7

© Лавринович А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвертая	28
Глава пятая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ася Лавринович

Там, где живет любовь

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Ася Лавринович., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Часть первая

Про нашу улицу Мира, влюбленное сердце, Катерину и отрубленный палец

Глава первая

Когда я счастлива, в моей голове играет мелодия из старого французского фильма «Мужчина и женщина», который мы с Ирой смотрели прошлым летом в парке под открытым небом.

Вот Марк Василевский – причина всех волнений – взял из моих рук два тяжелых пакета с учебниками, и внутреннее подсознательное радио тут же включилось.

«Па-да-да-да-да-па-да-да-да-да...» Когда Марк улыбнулся самой очаровательной на свете улыбкой, мелодия заиграла быстрее: «Па-да-да-да-да-па-да-да-да-да...» Я улыбнулась в ответ, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Будто я раскрутилась на самой быстрой карусели с белыми лошадьми и теперь, крепко держась за пластмассовую гриву, несусь навстречу чему-то светлому и волшебному. Конечно, это чувство пронзительной радости не могло длиться вечно. Ирка, сама того не подозревая, все испортила. Словно нажала на красную кнопку «Стоп», и я, резко затормозив, едва не навернулась с дурацкой воображаемой лошади.

– Тебе не жить, – шепнула мне на ухо подруга. Хорошо, что Василевский этого не слышал.

– Вер, куда отнести? В учительскую? – спросил Марк, не сводя с меня ясных голубых глаз. Таких ярких, как весеннее небо.

– Да, в учительскую, – кивнула я, сиюминутно первой отвести взгляд. – Лидия Андреевна у тебя все учебники примет.

– Ира, давай свой пакет тоже, – обратился к моей подруге Марк.

– Унесешь ли? – усомнилась Ирка. – Тяжело будет!

– Унесу, – парень переложил два пакета в одну руку, и Ира передала ему новую порцию учебников.

– Только вы мне дверь придержите.

– Конечно! – засуетилась я. Взбежала на крыльцо и распахнула перед Василевским тяжелую дверь.

– Спасибо! – Напоследок Марк снова так обаятельно улыбнулся, что я едва не растаяла.

С задумчивым видом спустилась с крыльца. В школу возвращаться не хотелось. Сегодня нам с Ирой разрешили прогулять алгебру с условием, что мы принесем учебники из соседнего корпуса, где учатся младшеклассники. Что ж, Василевский сам вызвался помочь, а наша миссия выполнена. Теперь со спокойной совестью можно идти домой.

Мы с Ирой прошли в глубь школьного двора и уселись на высокий бордюр под липами.

– Капец, Василевский за весь учебный год впервые обратился ко мне по имени, – проговорила Ирка, подперев подбородок кулаком. – Я уж думала, что он даже не в курсе, как меня зовут.

– А мы часто с ним пересекаемся, – пожала я плечами. Старалась придать своему голосу равнодушие, но у самой внутри все дрожало. Меня нередко охватывала паника, когда Марк находился рядом. Наверное, все дело в его красивых голубых глазах. – На учебных собраниях, к примеру.

– Ах, ну вы же два наших школьных активиста, – обреченно махнула рукой Ирка. Мол, все с вами понятно. Скучища. – И все-таки странно, что всего за один учебный год Марк стал всеобщим любимцем.

– Почему странно? Марк очень симпатичный, умный, обаятельный.

– А главное – покорила сердце нашей Оксаночки Соболев, – скривилась Ирка.

– Это ты из-за нее меня предупредила о скорой кончине? – усмехнулась я.

– Ну конечно! Соболев по пятам за Марком ходит.

– А для чего ей это? У Оксаны же есть Кузя.

– Ха, сравнила Марка и Кузю! – покачала головой Ирка. – Кузьменко прошел мимо нас, будто мы с тобой – пустое место. А Василевский пакеты с книгами вызвался отнести. Так что Кузя – не рыцарь.

– Ни разу не рыцарь, – вяло откликнулась я, уткнувшись в телефон. Вот уж кого неинтересно обсуждать – так это Макса Кузьменко. Более ограниченного типа в нашей гимназии не найти.

Над нами шумели липы. Пока я лениво листала ленту в инсте, Ирка подобрала палку и принялась ею тыкать в муравьев, которые гордо шествовали вдоль белого бордюра.

– Господи, ну где Даня? – вдруг рассердилась подруга, поглядывая на школьное крыльцо. – Вечно понахватает двоек в конце учебного года, потом его дожидаться, пока все исправит.

– Он ведь думает, мы еще с учебниками возимся, – не отрываясь от телефона, проговорила я. – Пойдем домой без него?

– Не могу без него, я ключи забыла.

Даня – брат-близнец Иры. И похожи они не только внешне. Оба смуглые, темноглазые и очень шумные.

Внезапно Ирка пихнула меня локтем, я чуть телефон из рук не выронила.

– Нельзя осторожнее? – нахмурилась я.

– Нельзя! Соболев на нас из окошка пялится.

– Где?

Я подняла глаза и оглядела окна гимназии.

– На втором этаже, из рекреации.

Оксана Соболев, длинноногая красавица с роскошной копной медных волос, смотрела в нашу сторону. У окна толпились и другие одноклассники, но почему-то мы с Иркой во все глаза глядели лишь на Соболев. Холодные зеленые глаза, поджатые губы...

– Пусть пялится, – наконец великодушно разрешила я, снова возвращаясь к телефону.

– Блин, Вера, кажись, она видела, как мы с Марком болтали.

– Болтали? Он просто у нас пакеты с учебниками забрал.

– Угу, и при этом сиял, как медный таз, глядя на тебя.

– Ну скажешь тоже, – смутилась я, вспомнив обаятельную улыбку Василевского.

– Мне кажется, Соболев тебя сейчас взглядом испепелит, – продолжила нагнетать Ирка.

Я снова осторожно подняла голову и посмотрела на окна второго этажа. На стекле, прямо над головой Соболев, играли блики, и эти слепящие солнечные пятна напоминали корону на волосах одноклассницы. Мы с Оксаной какое-то время смотрели друг на друга, а затем она внезапно так хищно усмехнулась, что по моей коже пробежала дрожь.

– Чую, разборки не избежать, – вздохнула Ира.

– Помолчи, Третьякова! – рассердилась я. Стало не по себе. – Каких еще разборок? Они даже не встречаются! Марк всего лишь помог отнести учебники в учительскую. И я – президент ученического совета. Делать мне нечего – с этой пустоголовой Соболев отношения выяснять.

– Никогда не забуду, как в девятом классе эти стервы вытурили из нашей школы Наташу Сухопарову, после того как она с Кузей в кино ходила.

– Никто ее не вытурил, – снова возразила я. – Наташа перевелась в другую школу из-за того, что они с семьей в другой район переехали.

– Ага, ага! – не унималась Ирка. – Наивная ты душа, Вера Азарова! А в раздевалке на физре содержимое сухопаровской косметички тоже из-за переезда попортили? И в душевой Наташу заперли!

– Что ты от меня хочешь? – рассердилась я.

– Ничего не хочу, – проворчала Ира, которая любила сгущать тучи над любой ситуацией. – Просто предупреждаю, чтоб ты Василевскому глазки поменьше строила.

– Сама разберусь с Василевским, – буркнула я. Сняла с запястья резинку-пружинку и стянула светлые волосы в короткий хвост.

Мы замолчали. Ира еще некоторое время тяжело вздыхала, продолжая вертеть палку, облепленную муравьями. Я молча наблюдала, как несколько насекомых перешли к военным действиям и уже целым отрядом маршировали по Иркиному рюкзаку, который валялся на асфальте у ног подруги. Когда муравьи подобралась к носкам моих розовых «вансов», я вскочила.

– Ты чего? – подняв голову, удивленно посмотрела на меня Ира.

– Ничего. Мы у самого муравейника у ourselves. И Данька вон вышел!

Ирка тут же поднялась следом. Даня появился на крыльце вместе с подружками Соболев. Я машинально взглянула на окна, но Оксаны в рекреации уже не было. Значит, скоро и она выйдет на улицу. Даня, активно жестикулируя, что-то рассказывал девчонкам, а те заливались громким противным хохотом, как крикливые чайки на набережной. Мы с Иркой так и топтались под липами.

– Что он там десны сушит? – проворчала подруга. – Почему не идет к нам?

– Да выбрось ты эту палку! – выдернула я из Иркиных рук прутик, облепленный муравьями.

– Разве он не знает, что эти курицы – наши враги?

– Думаю, у парней все немного по-другому устроено, – ответила я. – И пофиг твоему Дане на наших врагов.

Тут на крыльцо выплыла Соболев. Даня тут же повернул голову в сторону одноклассницы и что-то ей негромко сказал. Девчонки снова захихикали, а Оксана широко заулыбалась.

– Долго он будет с ними любезничать? – вскипела Ирка. – Я жрать хочу! Ключей нет.

– Твой брат, ты с ним и разбирайся, – вздохнула я. Если честно, тоже бы уже отправилась домой.

Ирка так пронзительно свистнула, что стайка воробьев вспорхнула с соседней клумбы. Даня с недовольным видом развернулся в нашу сторону, а Соболева впиалась в меня злым взглядом, будто это я отвлекла их от беседы.

– Чего тебе? – не слишком вежливо выкрикнул Даня.

– Ключи дай! – проорала Ира.

Даня вздохнул, бросил еще что-то напоследок одноклассницам (те снова счастливо разулыбались) и спустился с крыльца.

– Наконец-то. Разродился! – проворчала Ира, хватая с асфальта темный рюкзак.

– Чего вопишь на всю улицу? – подошел к нам Даня.

– Если и дальше собираешься с этими инфузориями ворковать, то просто отдай ключи от дома. Или пойдем с нами, есть хочу, сил нет!

– Тебе лишь бы брюхо набить, – проворчал Даня, тем не менее направляясь к воротам.

Мы с Иркой засеменили следом. Я напоследок обернулась к крыльцу, в надежде, что там появится Марк, но лишь снова встретила с гневным презрительным взглядом Оксаны.

А Ирка уже привязалась к Дане:

– Как думаешь, сильно нашей Вере влетит от Соболев?

– А что такое? – заинтересовался Даня.

– Ир-ра! – рыкнула я, догоняя подругу и ее брата. – Зачем его посвящать в такие глупости?

– Какие глупости? Расскажите! – потребовал Даня. – Что вы с Оксаной не поделили? Не хотел бы я занять врага в лице Соболя.

– Пф, кто эту кулему из отряда кунных вообще боится! – фыркнула я, впрочем, без особой уверенности.

– Они не поделили Марка Василевского! – выдала Ира.

– Этого пижона? – поморщился Даня. – С модной укладочкой и в стеганой курточке «Барбур»?

– Ты его не любишь, потому что он в нашем классе занял твое место! – тут же ядовито отозвалась Ирка.

– Вообще пофиг! – запротестовал Даня. – Мое место никто не может занять, поняла?

– То-то все бабы теперь на него вешаются, – не унималась Ира.

– Ну спасибо! – встряла я. Как она меня ловко ко всем «вешающимся бабам» приписала. Хотя Марк мне нравился, но виду я никогда не подавала.

– Ты видела сейчас мой прайд на крыльце? – самодовольно спросил Даня, кивнув в сторону школы. К тому времени мы уже вышли на широкую улицу, на которой располагалась гимназия и совсем рядом мой дом. Из окон кухни было видно ненавистное кирпичное здание нашего учебного заведения. Так себе вид...

– Это они по старой дружбе не хотят обижать захиревшего льва, – ответила Ира. Она обожала подкалывать брата.

– Че это я захиревший? – оскорбился Даня. – Да мне эта популярность вообще побоку. Это вы, девчонки, пыжитесь что-то вечно.

– Ну-ну! Сам ты пыжик!

У меня от их спора уже голова разболелась. Свернуть бы куда-нибудь от близняшек, только мы живем на одной улице, да еще и в одном доме.

– Как ты меня достала уже! – проворчал Даня. Затем поравнялся со мной и легонько подтолкнул плечом. – Вер, что у вас там с Василевским?

Я метнула в Ирку убийственный взгляд, но подруга шагала к дому как ни в чем не бывало.

– Ничего у нас с ним нет! – буркнула я. – Больные фантазии твоей сестры.

– А-а-а, – протянул Даня. – Это она может. Только разве Соболя не мутит с Кузей?

– Ты сплетни о своем прайде похлеще нас собираешь, Симба! – хмыкнула Ирка. – Тебе виднее.

– Сдался ей этот Василевский, когда есть Макс? – продолжал удивляться Даня.

– О-о, – протянула Ирка. – Ты многого не знаешь о коварстве девчонок, Данечка! Кузя – это так, безобидная синичка в руках, а Марк – прекрасный журавль!

С «прекрасным журавлем» я была полностью согласна. А вот Даня только презрительно хмыкнул. Все-таки не нравился ему пришедший в этом году в наш класс Василевский.

В кармане джинсовки завибрировал телефон. Я притормозила и крикнула:

– Вы идите, я догоню!

Даня и Ира, кажется, и не услышали то, что я им прокричала. Продолжили идти и громко спорить о Марке.

Я достала из кармана телефон и смахнула уведомление о новом сообщении. Отправитель: засекреченный номер. Текст: «Теперь точно берегись».

* * *

Не считаю, что стоит обращать внимание на таких дурынд, как Оксана Соболя. Это ниже моего достоинства. Именно поэтому я не придавала значения «таинственному» посланию. Все

знают, что Соболев с головой не дружит, и лучшее оружие против нее – игнор. Вот она побесится, когда поймет, что я ни капельки ее не боюсь. А если продолжит дурью маяться, расскажу все классному руководителю. А может, и директору. Все-таки я в школе не последний человек. Должны прислушаться.

А вообще зря она волнуется. С Василевским мне ничего не светит. Да, мы с Марком часто пересекаемся на собраниях, где решаются организационные вопросы о жизни нашей гимназии. Да, я одна из немногих девчонок в параллели, с которыми он периодически общается... Но на этом все. Марк улыбается мне точно так же, как и остальным гимназисткам. И если кто-то из них после этого принимается строить воздушные замки насчет Василевского, то я точно этого делать не буду. А Оксана лучше бы сразу сделала массовую рассылку среди десятых, потому что я – не единственный объект флирта у Марка.

Я даже поначалу решила не рассказывать Ирке о дурацком сообщении, потому что Третьякова точно развопится и найдет в этом сакральный смысл и реальную угрозу. Но все-таки, от нечего делать, показала предупреждение на следующий день во время первого урока. Все равно мы долго ждали опаздывающего историка и заняться было нечем. Просто молча придвинула подруге телефон с открытым сообщением.

– И что это? – Ирка округлила глаза. – От кого?

Я только пожала плечами. Тогда Третьякова склонилась к телефону, едва не уткнувшись носом в экран. Затем подняла голову и удивленно уставилась на меня.

– Это от Соболева, точно тебе говорю. Я ж предупреждала!

– Ой, Ир!

– Что теперь будешь делать?

– Найму двух качков-телохранителей, чтобы встречали меня от репетитора.

– Да ну тебя, Вер! – нахмурилась Ира. – Я б на твоём месте реально позаботилась о своей безопасности.

– Предлагаешь купить бронжилет? – развеселилась я.

– Смейся, смейся!

– Серьезно, Ира, что она мне сделает? Маразм какой-то.

В этот момент, как назло, к нашей парте подошел Марк Василевский и приветливо произнес:

– Вер, привет! Помнишь про сегодняшнее собрание?

– Угу, – промычала я, оглядывая класс. Несколько девчонок уже впились глазами в спину Марка. Соболев – в том числе.

– Лидия Андреевна просила подготовить списки учеников для летней школы, – продолжил Василевский. Взял мою розовую ручку с единорогами и принялся крутить ее в руках.

– Да, это я тоже помню, – ответила я.

Василевский что-то задержался у нашей парты. Ирка заерзала на месте. Но следующая фраза одноклассника и вовсе привела Третьякову в ужас.

– Тогда я встречу тебя после уроков, вместе пойдем, хорошо? – И Марк так широко и ласково мне улыбнулся, что я совсем растерялась.

– Хорошо, – с трудом проговорила я. Язык стал тяжелым и неповоротливым.

– Прикольная ручка! – добавил Василевский между делом.

– Дарю, – ответила я. Пошутила, конечно. Куда ему эта девчачья розовая ручка? Но Марк взял со стола колпачок в виде единорожьей мордочки, нацепил его на ручку и бережно положил в нагрудный карман рубашки.

– Спасибо, – снова улыбнулся он.

Ирка схватила меня под партой за руку...

В этот момент в класс вбежал запыхавшийся историк, и Василевский отправился на свое место.

– Кошмар! – выдохнула Ирка, оглядывая всю свиту Соболя. Подружки Оксаны по-прежнему тарасились на нашу парту. – Это не прайд... Это гиены, которые в один ужасный день окружают тебя после уроков!

– Господи, Третьякова, отпишись ты от всех этих криминальных пабликов, надоела! – сварливо ответила я.

– Ты знаешь, если что, я тебя в обиду не дам! – продолжила шипеть Ирка, пока мы записывали в тетради сегодняшнее число и тему.

– Ага, спасибо.

– Я столько раз дралась с Данькой и еще одной курице в школьном лагере наkostenяла...

– Помолчи ты уже, костыль, нас сейчас рассадят, – попросила я. Историк вечно делал нам замечания и грозился посадить Третьякову за первую парту.

Вот он уже повернул голову на Иркин разгоряченный шепот, как вдруг, на мою радость, дверь распахнулась, и в класс бесцеремонно вплыла Амелия Циглер – местный изгой. Она перешла в нашу гимназию в девятом классе, да так и не смогла найти себе друзей. Вернее, даже не пыталась. Странная, молчаливая, мрачная... Циглер носила черную одежду и тяжелые ботинки. Даже сейчас, в середине мая, когда в таких бесформенных балахонах можно только упариться. И красилась она тоже ужасно! Жирно обводила подводкой глаза, а губы красила фиолетовой помадой. Если честно, Амелия всегда вселяла в нас с Иркой немой ужас. Вот, кажется, кто мог запросто наkostenять – так это она, а не Соболя с Иркой. Я лишний раз Циглер в глаза боялась посмотреть, потому что мы жутко друг друга недолюбливали. И на то были свои причины...

– Амелия, вас не учили стучаться? – возмущенно спросил историк.

– Тук-тук, – буркнула Циглер.

В классе раздались неуверенные смешки.

– Кто там? – тут же отозвался Никита Яровой.

– Сто грамм, – подключился Даня.

На задних партах загоготали громче. Лицо бедного историка от злости пошло красными пятнами.

Амелия – сама себе враг. Учится хорошо, а вот дисциплина у нее не то что хромает... Там у дисциплины ампутация на обе ноги. Если б Циглер научилась вовремя приходить на занятия и извиняться, цены бы ей не было.

– Думаю, для вас урок истории на сегодня окончен, не успев начаться, – отрезал побавровевший учитель.

– Какая жалость! – притворно вздохнула Амелия и развернулась обратно к двери.

Ирка чересчур громко ахнула.

– Непробиваемая девица! – шепнула мне на ухо подруга.

– Ага, скорее непробиваемая тупость, – возразила я. Раз в неделю Амелия стабильно устраивала подобные спектакли. Хоть бы раз признала свою вину.

Циглер тем временем уже вышла из класса, демонстративно хлопнув дверью. Историк растерянно оглядел присутствующих. Разумеется, наши с Иркой разговоры уже казались сущим пустяком по сравнению с поведением Амелии. Поэтому я, не боясь, что нас рассадят, шепнула Ирке:

– Дай запасную ручку.

– А на фига ты Василевскому свою отдала, кулема? – зашипела Ирка, потянувшись к пеналу.

Я сама не знала ответа на этот вопрос. Кто ж думал, что он воспримет мою шутку всерьез? А вообще порой из-за любви люди готовы на самые нелогичные поступки и самопожертвование. Что уж тут говорить о подаренной ручке с единорогами.

* * *

Иногда я чувствую себя на наших собраниях неуютно. Наша директриса, Лидия Андреевна, слишком выделяет меня среди остальных гимназистов. Конечно, дело может быть в том, что я – президент ученического совета, но скорее тут личные симпатии. И я, если честно, даже не знаю, чем такую любовь заслужила.

– Вера, ты подготовила списки учащихся для образовательного лагеря? – ласково спросила меня Лидия Андреевна, после того как старосты одиннадцатых классов отчитались о подготовке к последнему звонку.

– Да, почти, – негромко ответила я.

В летнюю школу за счет городского бюджета обычно отправляли отличившихся учеников. Путевки считались престижными, но только не среди самих подростков. На деле никто не горел желанием уезжать в образовательный лагерь даже на одну смену. Отличившихся у нас было не так много, поэтому в списке из десяти мест пока было занято лишь одно. И его заняла я. Больше желающих не нашлось. Класс у нас не самый дружный, лишние две недели тусоваться друг с другом, да еще и посещать занятия, казалось всем плохой идеей.

– У меня тоже есть несколько кандидатур из «Б» класса, – заметив мое смятение, проговорила Лидия Андреевна. – Если есть еще места, включи их в список, пожалуйста.

– Ой, да, места еще есть, – пролепетала я.

Мы переглянулись с Василевским и улыбнулись друг другу. Марк знал, что у меня плохо со списком. И я больше всего на свете хотела, чтобы одноклассник помог мне с агитацией в этот чертов образовательный лагерь. А еще лучше – поехал бы туда сам. Тогда я с легкостью набрала бы еще девчонок, мечтавших отправиться за Василевским хоть на край света.

Но Марк своего желания не изъявлял, а спрашивать его об этом я, конечно, стеснялась.

После собрания я первой поднялась с места и быстрым шагом направилась к выходу. Еще не хватало, чтоб директриса решила сейчас уточнить, сколько человек я включила в список. Марк догнал меня уже в коридоре.

– Никто не записывается, да? – спросил он.

– В образовательный лагерь? Ты шутишь? Вместо того чтобы валяться в летние каникулы на диване с планшетом, придется вставать по расписанию, днем снова сидеть на занятиях и ложиться в десять вечера... Да, от желающих отбоя нет.

Я тяжело вздохнула, а Марк рассмеялся. Но не злорадно, а по-доброму так. Мой рот тоже расплылся в дурацкой неуверенной улыбке.

– Хочешь, я поеду? – спросил он.

– Серьезно? – усомнилась я, натягивая джинсовую куртку на белую рубашку и школьный вязаный жилет. О том, что Василевский согласится ехать со мной, я могла только мечтать.

– Конечно, серьезно! – откликнулся Марк. – Сама подумай: две недели вдали от родительского присмотра...

Взгляд Василевского сделался мечтательным. Я еще раз с удивлением посмотрела на парня. Это как же должны допечь собственные предки, чтобы в летние каникулы желать умотать из дома на дополнительные занятия.

– Но вообще там должно быть здорово! – принялась я нахваливать лагерь в страхе, что Василевский передумает. – Предметы на выбор: математика, физика, программирование, химия. Я, наверное, английский перед ЕГЭ подтяну. А еще обещали интересные мастер-классы.

Василевский шел рядом со мной и чему-то улыбался. А я не верила своему счастью! Если я заполучила в лагерь Марка, значит, быстро добыю список. Пусть вся наша группа будет состоять лишь из влюбленных в одноклассника девчонок.

– А еще твое присутствие в списке будет вполне заслуженным и не вызовет никаких вопросов у Лидии Андреевны. Все-таки ты – лучший ученик нашей гимназии.

Марк снова польщенно улыбнулся.

На улице солнце припекало уже совсем по-летнему. Высоко в зеленых ветвях лип щебетали птицы.

– Проводить тебя до дома? – спросил Марк.

От неожиданности я смутилась еще больше. И почему-то на ум пришло дурацкое анонимное сообщение, хотя мне казалось, что я ни капельки не испугалась Соболя.

– Нет, не надо, – улыбнулась я. – Тут и провожать нечего. Я живу прямо за гимназией. Здесь же, на улице Мира. Видишь тот высокий серый дом?..

Глава вторая

Наша улица – одна из самых протяженных в городе. На первом этаже длинного девятиэтажного дома, в котором мы живем, находятся старая «Галантерея», магазин «Ткани», большой продуктовый и отделение почты.

Когда-то здесь росли могучие старые тополя, но лет пять назад их безжалостно вырубili, чтобы расширить проезжую часть. Остались о тех высоких деревьях лишь воспоминания. Мне нравилось, как в начале июня пух медленно опускался на нашу улицу. Без тополей она мне кажется голой.

Зато двор большой и очень зеленый. Заворачивая за угол дома, можно решить, что ты попал в другой мир. Красивые клумбы, много деревьев, веселое воробьиное чириканье в ветвях. По поручению местного депутата недавно посреди двора установили новый детский комплекс с яркими горками, турниками, большой песочницей. А чуть поодаль – тот городок, где когда-то играли мы. От него остались лишь покосившаяся железная горка да деревянный двухэтажный замок. В детстве он казался таким огромным и нарядным. В нулевых по вечерам, когда мы с друзьями уже расходились по домам, там собиралась молодежь. Парни расписывали стены, пили пиво и бросали на пол окурки. Сейчас замок стоял заброшенным на отшибе двора. Те, кто когда-то вечерами там тусовался, уже выросли, а современных детей замок с облезлой краской не прельщал. Да и кто пойдет в него играть, когда рядом есть новый и интересный городок?

После собрания я отправилась к Третьяковым. Мы из одного подъезда, только я с седьмого этажа, а Даня и Ирка – с девятого.

Лифт не работал. Чертыхаясь, я направилась к лестнице. Прошла мимо своей квартиры и поднялась выше. А для чего заходить домой, если там меня никто не ждет? Зато Ирка тут же распахнула дверь и пропустила в коридор.

– Тебя с твоего собрания дожدهшься, с голоду помереть можно, – бурчала подруга, пока я расшнуровывала кеды.

– Так поела бы.

– Ага, чтобы ты потом развопилась? – хмыкнула Ирка. Я тактично промолчала о том, что из нас двоих вопит обычно одна только Третьякова. Ира взяла меня за руку и потянула за собой на кухню. – И чего вы там так долго решаете?

– Одиннадцатиклассники много времени занимают, – вздохнула я, по пути заглядывая в другие комнаты. – У них экзамены, последний звонок на носу... А Даня где?

– Даня бросил вещи у порога и умотал на улицу, – проворчала Ира. – Как ты о его барахло не споткнулась? Сказал, в «Маке», если что, перекусит. Он, видите ли, в кино с какой-то девчонкой идет. Мама его убьет, Даня нормальную еду вообще не ест. А она готовит для нас, между прочим!

– Зато я у вас ем, – сказала я.

– Ага! Не пропадать же продуктам.

У меня дома в холодильнике шаром покати. Готовить для меня некому, а самой не хочется. Да и не особо получается, если честно. Пару раз в неделю к нам заглядывает Софья Николаевна, папина дальняя родственница. Она обычно и готовит нам горячее. Правда, с приходом дачного сезона тетя Соня стала приходить все реже. Поэтому я захаживала к Третьяковым или покупала что-нибудь из той же «ненормальной еды», что и Даня.

– Та-ак, – протянула Ирка, звякнув крышкой от кастрюли. – Мама оставила нам котлеты с подливой и пюрешку.

– Котлеты какие?

– Куриные. Сейчас подогрею, жди.

Мы с Иркой вытащили на просторную солнечную лоджию небольшой садовый столик. Принесли тарелки и две кружки ледяного компота из сухофруктов. Ирка распахнула стеклянные створки, и мы уселись с ногами на пластмассовые зеленые стулья. Ирка водрузила на нос солнечные очки и потянулась вилкой за куриной котлетой.

– Составила свой список?

Я лишь покачала головой. Прожевав, спросила:

– Ты-то поедешь?

– Куда? В лагерь?

– Ну.

Ира задумалась.

– Если б там не было занятий...

– Ну это ж образовательный лагерь. Поощрение самых лучших учеников путевкой.

– Лучших? – Ирка хмыкнула. – Я вообще-то троечница. Ой, погоди!

Ира поднялась из-за стола и убежала обратно на кухню. Вернулась с тарелкой с соленьями.

– Мама вчера банку прошлогоднюю открыла. Угощайся.

– Ну и что, что ты троечница. Зато у тебя активная жизненная позиция, – продолжила я, громко хрустя соленым огурцом. Очень уж мне хотелось, чтобы Ира поехала со мной.

– Вадик не поймет, если я на лето куда-нибудь умотаю, – засомневалась подруга.

– На лето? Всего две недели! И какая ему разница? – возмутилась я. – Он все равно в армии!

Иркин парень, Вадик, почему-то все время меня раздражал. Ира постоянно перед ним лебезила и без его разрешения никогда ничего не делала. Они познакомились два года назад в Турции, где с семьями отдыхали в одном отеле. Вадик жил на другом конце города, и виделись мы с ним, к счастью, нечасто. А этой весной ушел в армию, но и оттуда указывал Третьяковой, что делать.

Ирка молча уплетала пюре с котлетами. Солнечные очки съехали на кончик носа. На лоджии так припекало, что мы с Третьяковой будто расселись на пляже.

– Скажи своему Вадике, что там занятия с десяти до четырех с перерывом на обед. Физика, химия, иностранные языки...

– Все так страшно? – воскликнула Ирка.

– Ну и дискотеки, само собой! Развлекательная программа, речка... – испуганно залепетала я. Казалось, Ирка вот-вот вздумает отказаться от поездки. – Кстати, угадай, кто изъявил желание поехать с нами?

– Не знаю, – равнодушно пожала плечами Ира. Ее мой список вообще мало волновал, и спросила она о нем из вежливости. Потому что помимо школьных дел со мной и обсудить-то было особо нечего. В моей личной жизни был полный штиль. – Кто?

– Василевский!

– Да ладно? – Ирка стянула очки и отодвинула от себя тарелку. – Он точно в тебя втюхался!

– Ну да, с чего бы?

– Ехать в какой-то дурацкий лагерь... Только если за тобой!

– Ага, Василевский – жена декабриста, – усмехнулась я. – Скажешь тоже.

– Всё! Я еду! – воодушевилась Ирка. – Я должна это видеть!

– Видеть что?

– Ваше соединение!

– Сумасшедшая!

Мы синхронно схватили кружки с холодным компотом и принялись его жадно пить.

– Мама котлеты пересолила, – проговорила Ира, ставя обратно на стол пустую кружку. Вытерла ладонью рот.

– Вкусные, – возразила я.

После обеда мы отправились в Данину комнату и включили приставку. Иркин брат не разрешал нам без спроса рубиться в FIFA, но мы всякий раз, когда его не было дома, нарушали запрет, а потом закрывали следы – ставили все на место. Конечно, может, Даня и замечал, что мы хозяйничаем в его комнате, но никогда об этом с нами не заговаривал. Да и в его жилище царил такой бардак, что вряд ли здесь можно было заметить следы «чужаков». Вот и сейчас мы сидели на кровати рядом с кучей чистой одежды.

– Попросила же его разобрать свое шмотье, которое я принесла с сушилки! – сердито проговорила Ирка.

В комнате стоял запах чистого белья и мужской туалетной воды.

– А надушился-то, герой-любовник!

Поиграв в приставку, я засобиравшись домой. Отец обещал прийти сегодня пораньше и о чем-то серьезно поговорить со мной.

– Как думаешь, что он хочет тебе сказать? – спросила Ирка, пока я обувалась. Подруга стояла, привалившись спиной к дверному косяку.

– Не знаю, может, к маме отправить хочет?

– На другой конец света? – ахнула Ира. – Не пушу! А мне что делать летом? Вадик уехал, ты уедешь...

– погоди, эгоистка, это всего лишь мои предположения. Я, кажется, маме вообще не сдалась. Мы в последний раз в марте говорили, так что не дрейфь!

Дома я быстро расправилась с уроками и улеглась на кровать с ноутбуком. Загрузила сериал. В большой трехкомнатной квартире по вечерам я чувствовала себя немного неуютно. Не сразу услышала, как открылась входная дверь.

– Вера, ты поужинала? – выкрикнул папа из коридора.

– Ага, – отозвалась я, не вставая с кровати.

Отец вошел в комнату. Я отодвинула от себя ноутбук и приготовилась к серьезному разговору.

Папа выглядел растерянным. Не так часто он приходил ко мне для серьезного разговора. Вообще мы с ним редко пересекались дома. Отец либо пропадал на работе, либо встречался с друзьями. Было интересно, на какую тему он решил со мной поговорить. Наверняка дело в маме. Она уехала от нас в Мексику пару лет назад. Влюбленная в климат, национальный колорит и мексиканца, с которым познакомилась по переписке. Новоявленный жених был младше мамы на целых восемь лет.

– Я хотел пиццу заказать, – сказал наконец отец.

– Я возьму кусочек, – кивнула я. – Если сырную...

Да, это и есть серьезный разговор? Я едва сдержала смех.

– Вера, я должен тебя кое с кем познакомить! – все-таки огорошил меня родитель.

А вот теперь сердце тревожно заколотилось.

– С кем это? – настороженно спросила я.

Наверняка за те два года, что мама не жила с нами, у папы были какие-то любовные интрижки, но он никогда не спешил рассказывать мне о них.

– Она тебе понравится, – «обрадовал» папа. – У вас много общего.

Что он имеет в виду? Что у меня может быть общего с какой-то взрослой незнакомой женщиной?

– Ну не смотри на меня так, Вера! – почему-то рассердился отец. – Ужин будет в эту пятницу. Вместе выберемся куда-нибудь. Согласна?

Я растеряннo кивнула. Будто моего мнения кто-то спрашивает. Обычно лишь ставят перед фактом.

– Вот и отличненько, – выдохнул отец, выходя из комнаты.

Я закрыла ноутбук. Смотреть сериал сразу расхотелось. Слышала, как папа ходит по квартире, как скрипит паркет под его ногами, как негромко работает в соседней комнате телевизор. Потом телевизор смолк. Отец с кем-то говорил по телефону. Думала, он заказывает для нас пиццу, но тут из приоткрытой двери до меня донесся обеспокоенный голос:

– До утра это не терпит? Сильно затопило? погоди, Кать, не истери! Сейчас приеду.

Я быстро поднялась с кровати и выбежала в коридор. Отец уже поспешно натягивал светлый модный плащ.

– Ты куда? Ты ведь совсем недавно пришел! А пицца?

– Вера, мне нужно ненадолго отлучиться, скоро вернусь.

– Кто звонил?

– У моей знакомой возникли неприятности.

– Это у той, с которой у меня много общего?

Отец медленно застегивал пуговицы на плаще и смотрел на меня. Растерянный, напуганный, будто провинившийся мальчишка, которого застали за совершением какой-нибудь пакости.

– Я не могу между вами разорваться, – наконец сказал он. – Но дело правда серьезное.

Будто я просила его разрываться между мной и кем-то еще... Но все-таки обиженным голосом произнесла:

– Ты почти дома не бываешь. Я всегда одна! За окном уже темно.

Отец не умел проявлять любовь, но все-таки подошел ко мне и неуклюже приобнял. Иногда мне казалось, что он сам в шоке от того, что у него такая взрослая дочь. Вряд ли мои мама и папа вообще планировали стать родителями так рано. Я появилась в жизни отца, когда ему едва исполнилось девятнадцать лет.

– Вера, ты умница. Обязательно найдешь, чем себя занять дома.

– Угу, – проворчала я, вдыхая горький аромат мужского одеколона.

Отец выпустил меня из объятий, рассеянно чмокнул в макушку, схватил со шкафчика ключи от машины и, по привычке щелкнув по выключателю, выскочил в подъезд. А я осталась одна посреди темного коридора. Только из моей комнаты сквозь дверную щель проглядывал свет. А из открытого на кухне окна доносился шорох машин.

Я так и простояла где-то с минуту, решая, существенно ли теперь изменится моя жизнь. Уже в эту пятницу отец меня «кое с кем» познакомит. А если она стерва? А если решит переехать сюда?..

В задумчивости не сразу расслышала, как завибрировал телефон. Бросилась в спальню, чтобы успеть ответить. Снова беспокоил неизвестный номер.

Я решила сбросить вызов. Зачем Соболь звонит так поздно? В том, что это она, я ни капли не сомневалась.

Телефон снова загудел. Тогда я все-таки приняла вызов и прислушалась. Сначала раздалось невнятное шебуршание, а затем кто-то тяжело вздохнул.

– Алло? Кто это?

Послышался странный щелчок, и в трубке заиграл траурный марш Шопена. Запись шипела и кряхтела, будто звучала со старой пластинки.

– Какая же ты дура! – проговорила я в трубку и отключилась.

Оксана давно с головой не дружит. И Ирка была права: это именно Соболь выжила из нашей школы беднягу Наташу. Испорченная косметичка и заточение в душе – это еще не самое страшное. Третьякова не в курсе, что Соболь вместе с какими-то девицами не из нашей гимназии подкараулила Сухопарову после уроков и пригрозила распустить самые грязные выду-

манные слухи о Наташе и Кузе, если та от Макса не отстанет. Но Сухопарова – тихая девчонка. Конечно, она испугалась. А вот я себя в обиду не дам, пусть только попробуют сделать что-то подобное.

Телефон снова завибрировал. На сей раз на экране высветился номер Ирки.

– Я поговорила с мамой по поводу лагеря! – выпалила подруга.

– Класс! – не сразу отозвалась я, все еще обдумывая дурацкие поступки Соболя. – Отпустят тебя?

– В том-то и беда... – замялась Ирка.

– Что такое?

– Без Даньки меня мама в лагерь не отпустит.

– Бли-ин, – протянула я. – Ир, серьезно? Ну вы же не сиамские близнецы!

– Я знаю! – возмущенно запыхтела на том конце провода подруга. – Ты маме моей это объясни! С тех пор как у меня в начальной школе телефон за домом отобрали, она заставляет Даню со мной везде таскаться. Ладно, эти два года Вадим рядом был, а теперь?

– Ты едешь в образовательный лагерь, а не на рейв, – сказала я.

– Моя мама так не думает, – хмыкнула Ирка. – У нее совсем другие представления о лагерях, в которых тусуются подростки.

Мы обе помолчали. Я подошла к окну и задернула занавески. Все-таки дуре Соболя удалось выбить меня из колеи. До сих пор в ушах звучала «хрустящая пластинка». Еще и папа уехал. На всякий случай я прошлась по пустой квартире и включила везде свет.

– Но Даня никогда не согласится провести две недели в лагере вместо нормальных каникул, – вздохнула я. – Хотя мне бы не помешал лишний человек для списка.

– Ладно, я что-нибудь придумаю! – бодрым голосом пообещала Ирка. – Утро вечера мудренее. Ложись спать!

И Ирка придумала. Лучше бы вовсе не сообщала мне о своем дурацком плане. Но об этом я узнала на следующий день, а пока, умывшись, с тяжелым сердцем отправилась в постель. Засыпать пришлось при свете. Окно было открыто, и ветер колыхал легкие занавески. Где-то далеко завизжали тормоза, раздался пронзительный девичий крик, а затем снова наступила тишина. Провалиться в сон мешало непроходящее чувство тянущей тоски и тревоги, когда от волнения скручивает живот. Конечно, это не было связано со звонком Оксаны. Скорее, перед сном все мои мысли витали вокруг отца и той таинственной Кати, у которой случился потоп. А еще у нас с ней, оказывается, так много общего.

* * *

Мы с Ирой выбрали в столовой самый дальний стол, который пользовался популярностью у влюбленных парочек. Стоял он у окна в окружении кадучек с цветами. Сейчас стол был свободен, а нам с Третьяковой предстояло в тишине обсудить важное дело – поездку в летнюю школу.

– Итак, в твоём списке есть Марк, – начала Ира.

– Ага.

– Раз есть Марк, значит, подключилась и Соболя...

– Ой, не напоминай! – расстроено покачала я головой. Оксана, прознав про Василевского, подошла ко мне перед первым уроком и попросила включить ее в список. При этом вела себя как обычно. Я, не имея пока никаких доказательств ее вины, тоже о вчерашнем звонке промолчала.

– Вообще-то Соболя без троек учится, – задумчиво проговорила Ирка. – И на городском конкурсе красоты какую-то номинацию завоевала. В общем, здесь она вполне заслуженно.

Я вздохнула. Мало мне этой ревнивой чокнутой в городе, так она еще и в лагерь собралась.

– Ты же знаешь: где Соболев, там и придурочный Макс Кузьменко, – проворчала я, вписывая фамилию одноклассника. – Он же у нас капитан школьной баскетбольной команды. Защищает честь школы на всевозможных соревнованиях. Значит, Лидия Андреевна и его кандидатуру одобрит.

– Да уж! – покачала головой Ирка. Мы глянули на список. Кроме Василевского, в нем никто не радовал.

– Ой, погоди, – вспомнила я и полезла в карман рюкзака. – Мне ж директриса еще три фамилии карандашом вписала. Для списка. Кто-то из «Б» класса.

Я развернула лист бумаги, Ирка, вытянув шею, заглянула в список. Потом сердито сказала:

– Ну, Селезнева – понятно. Она у них отличница. Но Диана Руднева? Это что, шутка такая? Зачем эту тупицу включили в список? Она хуже меня учится!

– Ну вообще Диана ездила на первенство города по танцевальному спорту. И на школьных концертах всегда выступает...

– Ага, задницей крутит на Восьмое марта под Монатика! – перебила Ирка.

У них с Дианой были давние терки. Когда-то мы втроем очень тесно дружили, но затем Руднева предпочла компанию Оксаны.

– Веселенькая поездочка намечается, – хмыкнула я. Затем зачитала вторую фамилию: – А как тебе Люсьена Антоненко?

– Против Люси ничего не имею, но эту тихоню за какие заслуги взяли?

– Понятия не имею, – пожала я плечами. – Мы ж с тобой не знаем, как она учится. Ты разговаривала с ней хоть раз?

Ирка равнодушно пожала плечами:

– Нет. О чем? Ни с ней, ни с Селезневой... – Третьякова снова взглянула на список. – Ну и составчик. Убойный.

– Золотой, – согласилась я.

– Нам для полного комплекта только Мэрилина Мэнсона не хватает.

– Какого еще Мэрилина Мэнсона? – не поняла я.

Тогда Ирка молча кивнула в сторону соседнего стола, за которым в одиночестве обедала Амелия Циглер. Я задумчиво уставилась на одноклассницу. Тогда Амелия вдруг резко подняла на меня глаза и угрожающе сдвинула брови.

– Не поняла, какие-то проблемы? – спросила она у нас.

– Никаких проблем! – хором ответили мы с Иркой и синхронно опустили головы обратно к списку.

Чуть позже Третьякова поднялась со стула и передвинула пару кадучек с цветами, отгородив нас от Циглер и остальных.

– Я ее боюсь, – сказала Ирка. – Слышала, что Амелия живет с бабкой, а та – настоящая ведьма.

– Ну-ну, – недоверчиво хмыкнула я, продолжая осторожно поглядывать сквозь листву на странную одноклассницу.

– По-любому она знает какое-нибудь заклинание, – продолжила Ира. – Кидает в котел свой черный волос, паучью лапку... И кроликов в жертву приносит.

– Да ну тебя! – рассмеялась я.

– Нет, правда! Она дурная какая-то. Ей нравится пугать людей. Не хотелось бы мне оказаться с Циглер в одном лагере.

– Если честно, – неуверенно начала я, – Лидия Андреевна предлагала кандидатуру Амелии. На городской олимпиаде по физике она заняла второе место, уступив полбалла Яровому.

– Ужас! – ахнула Ирка. – Тогда нам нужно скорее укомплектовывать список, чтобы этой сумасшедшей места не досталось. Хотя вряд ли она оставит дома своих пауков и летучих мышей. И, кстати, о Яровом...

Подруга замаялась. Я настороженно уставилась на Третьякову.

– Что такое?

– Я придумала, как можно Даню в лагерь затащить. Раз уж Яровой отличился на олимпиаде... И он, кстати, тоже в составе баскетбольной команды.

– Нет, – замотала я головой. – Нет, я не буду включать Никиту в список!

– Но ты же знаешь, где Яровой, там и наш Даня. Поговори с Никитой!

– Да мы столько времени нормально не общались, – почему-то смутилась я.

– Вот именно, что уже два года прошло. Хватит на него дуться!

Я принялась нервно выводить странные каракули рядом со списком, а Ирка озадаченно за мной наблюдала. В столовую врывались солнечные лучи, и по раскрытой тетради и моим рукам расползлись тени от цветов.

– Почему вы все такие сложные? – наконец рассердилась я. – Один поедет лишь за своим лучшим дружком, у другой гормоны скачут, за смазливим парнем на край света готова! Кузя еще этот... тоже озабоченный! Почему нельзя просто поехать и как следует отдохнуть?

– В образовательном лагере? – захохотала Ирка. – Это может прельстить только таких чокнутых, как ты и Василевский. Слушай, а может, и у него гормоны шалют, и он все-таки из-за тебя?..

– Ш-ш! – испугалась я. – Тише!

Тем более что цветы как-то странно зашевелились.

– Не хочешь поболтать с Яровым – пожалуйста! – продолжила громко Ира. Она вечно разговаривает на повышенных тонах, особо не беспокоясь, что о ней подумают. Сколько раз нас рассаживали на уроках из-за Иркиной болтовни. – Но тогда Даня не поедет. И я не поеду. Будешь в лагере с Амелией тусоваться, у ритуального костра!

– Какого еще ритуального костра?

– Куда она принесет в жертву...

Ирка не договорила. Цветок вдруг заходил ходуном, и Третьякова вскрикнула.

– Хай! – появился довольный Даня. – Вы че тут шушукаетесь?

Парень уселся на один из стульев и оглядел кадушки с цветами, которые расставила вокруг нас Ирка.

– У-у, как тут уютненько! Так что за тема для обсуждения сегодня на лобном месте?

– Поедешь в образовательный лагерь? – спросила я.

– Это в тот, где по четыре часа в день занимаются алгеброй и физикой?

– Ну да...

Даня громко рассмеялся. Вообще, как я уже говорила, Третьяковы довольно шумные ребята. И я так полагаю, мать решила отправить их в лагерь вместе, чтобы отдохнуть от детей хотя бы две недели.

– Смешная шутка, Верочка!

– Зря ржешь! – вступилась за меня Ира. – Там, между прочим, речка, свежий воздух, развлекательная программа...

– Какая? – Даня изобразил заинтересованность. – Пионербол? Дискотеки? Мне двенадцать лет, что ли?

– Ну-у, все понятно, – разочарованно протянула я.

Тогда Даня кивнул на список:

– Ладно, по старой дружбе даю тебе один шанс. Кто еще едет?

– Я, Ира, Василевский...

На Василевском Даня скривился в странной гримасе.

– Диана Руднева... – продолжила перечислять я.

Тут Ирка презрительно скорчилась.

– Знаете, да ну вас всех! – снова рассердилась я, хватая со стула свои вещи. – Друзья, называется! Вообще откажусь от этого лагеря. Пусть Лидия Андреевна сама составляет список. Им такую возможность предоставляют, а они!..

– Вер, да ладно тебе, ты чего? – смутилась Ирка.

Даня тоже растерянно захлопал ресницами.

– Азарова, угомонись!

Я вылезла из зарослей. Амелия сидела за столом и, подперев голову рукой, читала какую-то книгу. Если честно, вдруг стало жутко интересно, что может увлечь необычную Циглер, наверняка какая-нибудь чернуха. Но книга была завернута в бумажную черную обложку, что еще больше подогревало мое любопытство. Странная она, конечно. Почувствовав мой взгляд, Амелия подняла голову и снова сердито посмотрела на меня. Я отвернулась и понеслась к выходу.

Выбежав на крыльцо, обнаружила Никиту Ярового. Тот сидел на перилах и играл в какую-то игрушку на телефоне. Легкий ветер трепал его русые взлохмаченные волосы, а вид у одноклассника был таким серьезным и сосредоточенным, будто он, по меньшей мере, участвует в мировых соревнованиях. Я не смогла сдержать улыбку. Когда парень вдруг резко оторвался от игры и посмотрел на меня, я тут же сделала серьезный вид и даже нахмурилась. Никита скользнул по мне равнодушным взглядом и снова уткнулся в телефон. А ведь когда-то все было совершенно по-другому. Не помню ни единого дня, который бы мы провели не вместе.

Я еще некоторое время сосредоточенно разглядывала профиль парня, думая, как дальше поступить. Уйти домой или попытать счастье и пригласить в лагерь Ярового? Конечно, это пустая трата времени, он ни за что не согласится поехать, а я только снова унижусь перед ним.

И все-таки я сделала пару шагов и остановилась рядом с парнем. Ни один мускул не дрогнул на лице Никиты. Яровой продолжил быстро водить большими пальцами по сенсорному экрану. Я театрально откашлялась.

– Азарова, у тебя какое-то дело ко мне? – спросил наконец Никита.

– Ну да...

– Я занят.

Если он решил, что я уйду, поджав хвост, то не на ту напал. Я подошла к высоким перилам и попыталась усесться рядом с парнем. Кое-как взгромоздилась. Тяжелый школьный рюкзак с книгами и физкультурной формой едва не перевесил, и я чуть не улетела спиной вниз, но Никита, быстро убрав телефон в карман флисовой толстовки, успел меня подхватить.

– Спасибо, – смутилась я.

Из кармана Никиты заиграла какая-то трагичная, устрашающая мелодия.

– Если что, я из-за тебя последний уровень слил, – сказал парень, продолжая удерживать меня. – И если это твое дело того не стоит...

Глава третья

– Поздравляю с первым местом по физике! – торжественно сказала я.

Решила начать издалека. Никита удивленно на меня уставился. Я даже забыла, когда в последний раз смотрела в его серые, как туманное утро, глаза.

– Спасибо, конечно, но олимпиада была еще в феврале, – ответил Яровой.

– Лучше поздно, чем никогда, – пробормотала я. – Может, ты меня отпустишь? Я больше не падаю.

Со стороны вообще могло показаться, что мы сидим с Никитой в обнимку. Еще кто из учителей увидит. Это Соболев может лобызаться в школьном коридоре с Кузей, я себе таких вольностей не позволяю.

Яровой усмехнулся и убрал руки. Снова достал из кармана телефон. Музыка с трагичной сменилась на бодрую.

Я молча наблюдала, как Никита загрузил игру. По школьному двору, поднимая столбом пыль, загулял ветер. Тогда одноклассник натянул на голову черный капюшон.

– А еще ваша баскетбольная команда здорово на областных соревнованиях выступила. Какие вы молодцы!

– Вера, что тебе от меня надо? – не отрываясь от телефона, спросил Никита. Не с раздражением, а с какой-то взрослой усталостью, будто я несмышленный ребенок, который день и ночь допекает его, такого взросленького.

– Поедешь в летнюю школу? – спросила я. – Я тут список сейчас составляю... Если ты поедешь, Даня Третьяков тоже.

Никита снова усмехнулся и ничего не ответил. Терпеть не могу в нем эту привычку. Он может запросто проигнорировать неудобный ему вопрос, оставив собеседника без ответа. Просто сделать вид, что ему это неинтересно, и все. Порой с ним совершенно невозможно нормально разговаривать!

– Что скажешь? – спросила я после некоторой паузы. От меня тоже просто так не отделаться. Отец вечно твердит, что нет на этом свете никого упрямее меня.

– Нет.

– Ты даже не подумал! Подумай!

– Хорошо, подумаю, – согласился Никита.

Я выдохнула с облегчением. Но Яровой тут же произнес:

– Подумал.

– Уже? И как?

– Нет.

– Ты невозможный человек! – взорвалась я, поспешно слезая с перил. Хотела добавить: «Вот поэтому я с тобой уже два года не общаюсь!» Но промолчала. Ни к чему беречь прошлые обиды, буду выше этого.

– Почему я вообще должен ехать в этот лагерь? – спросил Никита. Видимо, в игре был какой-то ответственный момент, потому как парень снова нахмурился и даже нижнюю губу закусил.

– Потому что Лидия Андреевна туда отправляет самых достойных учеников. А ты – достойный, – пришлось признать мне. – Но все-таки придурок.

– Достойный придурок? – хриловато рассмеялся Никита. – Спасибо, Верона, я польщен. Внезапно парень убрал телефон в карман и тоже прыгнул с перил.

– Опять проиграл из-за тебя. Ходишь, отвлекаешь тут...

Мы оба спустились с крыльца и отправились в сторону ворот. Стоило ли говорить, что мы с Никитой живем в одном дворе? Поверить не могу, столько времени я и Яровой не возвра-

щались домой вместе. Из-за этого дурацкого лагеря мне пришлось поступиться своими принципами и первой с ним заговорить.

– Вообще ты зря отказываешься, – начала я, поглядывая на Никиту снизу вверх. Кажется, за то время, что мы не общались, он стал еще выше. Теперь я едва доставала ему до плеча. – Лагерь в старом красивом пансионате, на берегу большого озера.

– Вера, я похож на пенсионерку, которая жаждет отдыхать в пансионате?

– Совсем не похож, – сказала я.

– Тогда чего ты ко мне привязалась?

– Просто мне Лидия Андреевна поручила составить список, – упрямо повторила я.

– Что ты все носишься со своей общественной деятельностью? Неужели тебе это все действительно интересно?

Я молча проводила взглядом проплывающий мимо нас переполненный троллейбус. Глубоко вдохнула свежий майский ветер. Что ответить Никите? Не признаешься же, что для меня то, что остальные считают скукой и несусветной глупостью, действительно важно. Мне не хотелось расстраивать нашу директрису. Это странно, когда чужая женщина искренне волнуется за тебя и радуется твоим успехам больше, чем родная мама. Странно, но все-таки приятно.

– Да, мне это интересно, – вспыхнув, наконец ответила я. – И вообще, список уже утвержден, и ты в нем, Яровой, есть! Так что, если какие-то проблемы, сам иди к Лидии Андреевне и из него выписывайся, ясно?

– Ты серьезно? – Никита даже на несколько секунд остановился.

– Еще как серьезно, – буркнула я.

До двора мы добрались, не проронив ни слова. Я шла быстрым шагом, чтобы оторваться от одноклассника, но тот, будто нарочно, подстраивался под мой темп.

Когда свернула к своему подъезду, Яровой выкрикнул:

– Верона, ты не могла так со мной поступить! За что?

Я развернулась и лишь развела руками.

– Думал, мы с тобой друзья навек, – продолжил Никита. Стянул с головы капюшон, и ветер снова принялся трепать его русые волосы. Руки в карманах, насмешливый взгляд... Друзья навек? Это он издевается, наверное. Нет давно никакой дружбы. Взяла и утонула в глубокой мутной луже... – Раньше ты меня выручала. Надеялся, что все осталось по-прежнему.

– Меня по-прежнему от тебя тошнит, – сказала я.

Никита, как обычно, проигнорировал то, что ему не нравилось. Помахал мне рукой на прощание и послал воздушный поцелуй. Я в ответ лишь покачала головой и молча зашла в подъезд.

* * *

Из-за ссоры в столовой обед у Третьяковых сегодня отпадал, поэтому, разувшись, мне первым делом пришлось тащиться на кухню и исследовать полупустой холодильник. Ветчина, сыр, маслины... На столе – початая бутылка вина. Отец вчера поздно вернулся от неизвестной Кати, разговор с которой я подслушала, и принес с собой красное вино. Интересно. Утром я, как ревнивая жена, исследовала брошенную на стул мужскую рубашку. От нее пахло сладкими пионами, и почему-то в ту секунду я решила, что отныне ненавижу эти цветы.

А хлеба нет. Придется идти в магазин. Софья Николаевна укатила на дачу и приедет только на следующей неделе. Поэтому пока буду перебиваться бутербродами с чаем.

Вернувшись из магазина, взялась за «готовку». Нарезала хлеб, ветчину. Распечатала плитку молочного шоколада. В квартире было так тихо, что я снова вернулась мыслями к вчерашнему звонку Соболев. Сегодня на уроках Оксана делала вид, будто ничего не произошло. Может, потому, что Марк не обращал на меня внимания? Зато на большой перемене Василев-

ский охотно болтал со Смирновой и Симоновой, и Оксана тотчас же переключила свое внимание на них. Сумасшедшая. Чую, в лагере я с ними не заскучаю.

Жуя бутерброд, я отправилась в свою комнату, за ноутбук. Стряхнула с клавиатуры крошки, включила его, зашла в «ВК» и с удивлением обнаружила сообщение от Рудневой. Поссорившись с нами еще в восьмом классе, она мне ни разу не писала. Мы и в гимназии-то с ней лишь изредка здоровались в коридоре. А вот Ирка вообще включила полный игнор.

«Привет! Класснуха сказала, что меня в какой-то список записали. Ты за это ответственная?»

Отлично. Еще одна решила съехать с темы. Я, уже решив, что больше не буду составлять никаких списков, собиралась написать, чтобы Руднева не беспокоилась. Насильно никого везти не будут. Но не успела напечатать ответ, как Ди прислала следующее сообщение:

«Скажи, плиз, кто еще поедет? Для меня это очень важно!»

Рассказать ей про Ирку? Тогда пропадет хоть призрачная надежда на то, что Диана тоже будет в моем списке. Третьякова ж ей в волосы вцепится в случае чего. Тогда я написала:

«Из нашего класса точно едут Соболев и Василевский».

«Тогда я тоже еду!» – тут же настроила Руднева.

Ну, все ясно... Диана собралась в лагерь вслед за своей подружкой Соболев. Когда-то Руднева дружила со мной, Ирой, Даней и Никитой. Можно сказать, что впятером мы были неразлейвода. Только за одно лето Ди стала совершенно другой. Начала болтать о популярности и почему-то высмеивать наши с Ирой интересы. А с нового учебного года вдруг очутилась в компании Соболев. Хотя Диана училась в параллельном, «Б» классе, на переменах частенько заглядывала к нам, только теперь направлялась к парте, за которой сидела Оксана. Руднева во всем копировала Соболев. И даже носила такие же яркие фенечки, как Соболева. А в нашем дворе Диана больше не гуляла. Если мы с ней где-то и пересекались, то в кинотеатре, куда она приходила с Оксаной и ее шумными друзьями. Внезапно мы с Ирой стали для Дианы непопулярными и неинтересными. Третьякова расценила это как предательство и до сих пор даже не здоровалась с Дианой. Я же восприняла наш разлад спокойней, как само собой разумеющееся. Уже привыкла, что близкие люди могут так просто уходить из моей жизни.

Звонок в дверь раздался резко и неожиданно. Я надеялась, это нарисовалась Ирка с новостью о том, что Дани все-таки принял мое предложение. Но на пороге стояла Софья Николаевна с двумя тяжелыми пакетами.

– Думала, вы на даче, – растерянно проговорила я, пропуская ее в квартиру.

– Планы поменялись, – сообщила Софья Николаевна, сразу же направившись на кухню. Звякнув кастрюлями, принялась выкладывать содержимое пакетов на стол. – К внукам в город вернулась присматривать. Зять с дочкой на десять дней в Турцию летят по горячей путевке. Буду у них пока жить, а у вас, получается, еще не скоро появлюсь. Справитесь?

– Справимся, – пообещала я. – Не маленькие.

Софья Николаевна посмотрела на меня и усмехнулась.

– Здесь плов, здесь редис для салата... А тут пирог с грушей. Отец эти дни как? В настроении?

– Угу, очень даже.

Почему-то я не стала рассказывать тете Соне о предстоящем ужине с новой пассией папы.

– Ну и замечательно! Надеюсь, за то время, что меня не будет, обойдетесь без происшествий.

В тот момент я была уверена, что все будет хорошо, но судьба приготовила для нас свои сюрпризы.

Софья Николаевна неодобрительно посмотрела на бутылку вина, а открыв холодильник, цокнула языком.

– Ребенок, ты снова на одних бутербродах? – нестрого спросила она.

– Подумаешь. Они вкусные!

– Садись за стол, плов подогрею.

– Да я только бутик доела, – вяло запротестовала я.

– Садись-садись. Живо!

Пришлось подчиниться. Я делала недовольное лицо, мол, совсем не голодна, а меня заставляют есть, как маленькую... Но у самой от уютного звяканья посуды и ароматных запахов поселилось в душе счастье.

Завершив дела по дому, Софья Николаевна убежала к внукам. Я позвонила Ирке, но у Третьяковых в этот вечер были гости, поэтому мы с подругой толком не пообщались. Сделав на завтра уроки, я завалилась на кровать с книгой.

Папа вернулся позже обычного. Я слышала, как гремел замок в прихожей. Думала, отец, по привычке, сразу направится в душ, но он первым делом заглянул ко мне. В комнату тут же проник запах дорогого парфюма и алкоголя.

– Как дела? – спросил отец.

– Нормально, – ответила я. – Что сегодня отмечал?

– У нас новый заграничный партнер, – похвастался папа. Его глаза блестели. – Я в июне в Италию улетаю, Вера. Поживешь одна?

– Я сама на две недели в лагерь уезжаю, забыл? – буркнула я.

– В лагерь? – озадачился отец. А ведь я ему сто раз об этом говорила. И не удивилась бы, если б он сейчас спросил: «А вообще, сколько тебе лет, Вера?»

– Да, в лагерь. Дали путевку за хорошую успеваемость, – как маленькому, терпеливо принялась объяснять ему я. – Еду за счет гимназии.

– Так ты у меня молодец, отличница, – широко улыбнулся папа. Когда он так улыбался, то казался еще моложе. В такие моменты был похож на студента, одолжившего у отца костюм и галстук, которые ему, впрочем, шли.

– Спасибо, папа, – кивнула я, возвращаясь к книге. Попутно взглянула на наручные часы. Было уже поздно, но никто никогда не гнал меня в постель. Не напоминал, что завтра в школу, не спрашивал, сделала ли я уроки... Порой мне было дико слышать от Ирки, что их с Даней за что-то собирается наказать отец. Я бы, наоборот, с радостью наказала своего папу. Оставила бы его под домашним арестом, чтобы он, например, не задерживался по вечерам в баре с друзьями или не знакомился со всякими девицами легкого поведения.

– Катерина за тобой, если что, присмотрит.

– Катерина? – удивилась я.

– Ты забыла про завтра? Мы идем в ресторан. Втроем. Не сюда же ее приглашать...

Отец растерянно оглядел нашу квартиру.

– Если только ты захочешь что-то нам приготовить, – немного смущенно добавил он.

– Сам готовь! – грубо ответила я. – Для своей Кати.

– Та-ак, – протянул отец. – Кажется, уже что-то намечается.

Я уставилась в раскрытую книгу, но не могла прочитывать ни строчки. Меня накрыло уже знакомой взрывной волной. Подобное я испытывала в прошлом, когда мама рассказала о своем мексиканце.

– Просто не хочу, чтобы за мной кто-то присматривал, – наконец сказала я. – Тем более какая-то Катерина. Откуда она вообще взялась?

– Хочешь ты с ней знакомиться или нет, но она все равно будет в моей жизни, – строго сказал отец. Казалось, после этого нравоучения у него весь хмель вышибло. – Будь готова в пятницу, поняла?

Я упрямо молчала. Думала, папа выйдет из комнаты, но он вдруг устало потер ладонью лоб и как-то странно расхохотался.

– Черт возьми, подростки! Я знал, что рано или поздно это случится. Забавно, но я вообще не помню себя в твоём возрасте.

Отец уселся передо мной на полу и положил голову на кровать, как провинившийся пес. Я нарочно отвела взгляд.

– Вер, я инфантильный, да?

– Такой же, как и мама.

– Прости. Ты никогда не думала, почему так сложно признаться в чувствах тому, кто дорог тебе больше всего на свете?

– Это ты сейчас к чему? – насторожилась я. Неужели он решил излить мне душу по поводу Катерины?

– Так просто было сказать тебе о своей любви, когда ты была маленькой девочкой. А сейчас все как-то... Странно. Вера, ты же знаешь, как я к тебе отношусь?

– Ты меня любишь, наверное? – подсказала я.

– Да, – кивнул отец. – Ты права. Люблю.

И снова рассмеялся. Только на сей раз не растерянно, а как-то грустно. Тогда я осторожно коснулась рукой его волос. Мы молчали.

– Может, все-таки примешь мое приглашение и мы все вместе поужинаем завтра? Дай ей шанс, пожалуйста.

– Хорошо, – согласилась я. Но все-таки мысль, что в нашей квартире появится какая-то незнакомая женщина, меня пугала. Только мы научились жить без мамы, и тут такое.

– Отлично! – папа быстро поднялся на ноги. – Тогда уроки заранее сделай на субботу. А вы вообще учитесь по субботам?

Я только вздохнула. Отец улыбнулся и, что-то напевая, вышел из комнаты. Оставшись одна, я взяла в руки телефон и отыскивала мамин номер. Мама говорила, чтобы я позвонила ей, как только что-то подобное случится. Потому что отец в жизни не скажет ей о своих намерениях во второй раз жениться. В Мехико сейчас в самом разгаре рабочий день и +27 градусов, в то время как у нас вечер был пыльным и ветреным.

Я долго смотрела на номер, не решалась нажать на вызов. В конце концов снова убрала телефон под подушку. Мама говорила, я могу ей позвонить в любое время, когда мне будет плохо. Например, как сейчас. Но я почему-то никогда этого не делала.

* * *

Из кабинета химии мы с Третьяковой еле выползли. Итоговая контрольная за год далась обоим тяжело. Ни я, ни Ирка особо химию не понимали, и если бы не записка от Дани, в которой он подробно расписал ответы на пару задач сразу по двум вариантам, мы бы вообще не справились.

– Какой же твой брат молодец, – сказала я, когда мы шли по коридору.

– Ага! Думаешь, это все бесплатно? Да дома он мне столько поручений даст, что я свихнусь! Заставит кроссовки его почистить, шмотки погладить... Даня бескорыстно ничего для меня не делает.

Я обняла за шею ворчащую Ирку. Как здорово, что Третьяковы есть в моей скучной никчемной жизни. Без них бы я совсем пропала. Особенно без Ирки. И, конечно, было бы совсем кисло без вкусных котлет ее мамы.

– Скоро в лагерь покатим, собирай сумки, – сказала я. – И Дане то же самое передай.

– Ты поговорила наконец с Никитой? – посмотрела мне в глаза Ирка.

– Ну как поговорила... – замаялась я. – Просто с утра сдала Лидии Андреевне список из десяти фамилий.

– Что? – громко ахнула Ира. – Просто сдала список?

На нас стали оборачиваться. Третьякова даже театрально ладонями за лицо ухватила, будто я сообщила ей о какой-то страшной трагедии.

– Ну да, кто против, пусть сам с директрисой разбирается.

Если честно, единственный человек, кто точно против, – это Яровой. И я до конца не знала, почему так поступила. Сдала этот несчастный список лишь назло ему.

– И ты даже не говорила с Никитой про лагерь?

– Почему не говорила? Говорила.

– Ну слава богу! – выдохнула Ира. – Значит, он хотя бы в курсе.

– В курсе. Только Никита отказался.

– Он... что? Вера, тебе конец!

– Не драматизируй! Все будет отлично, – не слишком уверенно откликнулась я. – Тем более мне сейчас совсем не до Никиты. Я с папой в ресторан иду на встречу с какой-то теткой.

– Какой еще теткой? – не поняла Ира. – Родственницей, что ль?

– Нет же, папа хочет меня с кем-то познакомиться.

Ирка только присвистнула.

– Новая мамка?

– Ой, даже представить страшно.

В тот момент, когда мы проходили мимо кабинета Лидии Андреевны, оттуда вышел Яровой. Заметив нас, выкрикнул:

– Верона!

– Спасайся! – заголосила Ирка.

Я передала ей рюкзак, чтобы легче было убежать, и припустила вперед. Никита за мной. Пока я сбегала по лестнице, расталкивая учеников, Яровой скатился с перил и оказался на первом этаже раньше, чем я. Тут же схватил меня за запястье и потянул на себя.

– Азарова, что за фигня? Я думал, ты вчера блефовала, – сказал Никита.

Впервые за два года его серые глаза были так близко. Я отвела взгляд и уставилась на воротник светлой рубашки Ярового.

– Мы ж не в покере, чтобы блефовать, – наконец ответила я. – И руку отпусти. Что ты второй день лапаешь меня?

Кажется, Никита ничуть не смутился, но запястье все же отпустил.

– Как думаешь, что я тебе за это сделаю? – спросил он. Тогда я осмелилась поднять голову и посмотреть на Ярового. Лицо парня было не рассерженным, а каким-то насмешливым, словно его забавляло все, что сейчас происходит.

– Ударишь? Снова толкнешь в грязь? – не удержалась я.

Тогда Никита внезапно стушевался. Схватил мое лицо теплыми ладонями и склонился ближе. Его серые глаза тут же приобрели зеленоватый отлив. Так всегда происходило, когда Никита злился. Забавно, но за то время, что мы не общались, я совсем забыла об этом.

– Какая же ты упрямая, Верона, – не отрывая взгляд, проговорил Никита. – Упрямая глупая девочка, которая думает, что всегда будет так, как она захочет.

Я даже возмутиться не успела. Только хотела толкнуть Никиту руками в грудь и сказать, чтоб не смел больше никогда меня трогать, как Яровой сам убрал ладони от моего лица и, резко развернувшись, направился прочь по коридору. Я лишь уткнулась растерянным взглядом в его спину. Поверить не могу, что раньше искренне считала Никиту самым лучшим человеком на земле.

Глава четвертая

Весь последний урок я гипнотизировала модно выбритый затылок Василевского. Никто в параллели не одевался так стильно и дорого, как Марк. Он уверенно отвечал с места на вопросы учителя, а еще пару раз довольно забавно пошутил. Все девчонки, как по команде, расхохотались. Я тоже не смогла сдержать улыбку. Только Ирка склонилась ко мне и зашипела:

– Все прослушала. А че они надрываются?

Я лишь отмахнулась от Третьяковой. Что и говорить, Марк Василевский появился в нашем классе эффектно, затмив всех остальных парней. Даже ловеласа Даню и его дружка Ярового. Хотя это только Третьяков носит в гимназии корону и флиртует со всеми напрапалую. Иллюзий по поводу Никиты никто из девочек особо не строил. Яровой всегда держался холодно с одноклассниками. Хотя, конечно, несколько раз я видела его во дворе с какими-то незнакомыми девчонками, которых он приглашал к себе. Я наблюдала из окна, затаив дыхание и боясь, что Яровой вот-вот обернется и привычно глянет на наши окна. Но с тех пор как однажды мы крупно поссорились, Никита больше никогда не смотрел на окно моей комнаты.

А Марк с первого дня понравился многим одноклассникам, в том числе и Соболю, которая к тому времени уже встречалась с Максом Кузьменко. Марк отлично учится, свободно говорит на двух иностранных языках и получил разряд кандидата в мастера спорта по легкой атлетике. Василевский вписался в наш класс, будто всегда был в нем, да еще и тут же занял лидерские позиции, влюбив в себя не только старшеклассниц, но и учителей. Может, другие парни, как Даня, и затаили злобу на Василевского, но никто в открытую с Марком не конфликтовал. Вообще от Василевского веяло уверенностью, спокойствием и вечерним ласковым солнцем. Сразу было заметно, что парень из обеспеченной и любящей семьи. Всегда на позитиве, всегда придет на помощь... За наш первый совместный учебный год мне удалось выявить в нем всего лишь один минус: ему нравятся абсолютно все. На девчонок он смотрит одинаково, никого не выделяя; и с парнями держится дружелюбно и приветливо. Будто мы, его новые одноклассники, однородная масса, к которой нужен одинаковый подход. Разве можно относиться ко всем равно? Именно поэтому, когда Марк вдруг начал уделять мне внимание, я стала намного чаще думать о нем. Было интересно, чем я вдруг заинтересовала этого парня. В конце концов, в какой-то момент Василевский занял все мои мысли.

В конце урока мне пришлось отвлечься от любования Марком, потому как в класс вошла Лидия Андреевна. Директриса долго извинялась перед русичкой, говорила, что не займет много времени. Рассказала о предстоящей поездке в летнюю школу, огласила список фамилий. Не удержавшись, я все-таки обернулась к Никите и встретилась с его холодными серыми глазами. Как чувствовала, что в этот момент он сверлил меня ненавидящим взглядом. Я едва удержалась, чтобы язвительно не расхохотаться. Не знаю, откуда вдруг во мне взялось желание насолить Яровому. До недавнего времени казалось, что Никита – пустое место и мне в принципе все равно, что он чувствует.

Потом Лидия Андреевна начала горячо благодарить меня за содействие и сообщила, что одноклассники, попавшие в список, должны сказать мне спасибо за поездку. Мол, это я учла их заслуги перед гимназией и посчитала достойными путевки. Мне снова стало жутко неудобно из-за этой похвалы, потому как половина одноклассников тут же обернулись на нашу с Иркой парту.

А после урока ко мне снова подошел Марк. Да еще и в тот момент, когда из класса никто не успел выйти.

– Спасибо тебе, Вера, – улыбнулся он.

– Да не за что, – тихо произнесла я. – Ты ведь сам попросил включить тебя в список, я и включила.

Ирка закашлялась, а потом подошла ко мне и шепнула на ухо:

– Это ведь всего лишь повод поболтать с тобой. Что ты стоишь, как неживая? Улыбнись хоть!

А я не могу! Губы не шевелятся, и язык будто отсох. Я понимала, что Марк подошел не просто так, и эта мысль доставила мне удовольствие. Снова стало светло, хотя и немного неуютно. Будто я долгое время провела в темном помещении и наконец вышла на солнечный свет.

Если честно, никто из парней до этого ко мне не подкатывал, поэтому я, стоя перед Марком, ощущала себя очень глупо. Еще и Ирка постоянно меня дергала. Я чувствовала, как ноги наливаются тяжестью. А еще испугалась, что Третьякова прошептала свои наставления слишком громко, и сердце мое стучит так отчаянно, что это услышит не только Василевский, но и весь класс. Десятки взглядов уже устремились в нашу сторону.

Мало того, Марк вдруг взял меня за руку, и мы вдвоем направились к выходу. Василевский что-то говорил про лагерь, про сборы, про итоговую контрольную по химии, но я только кивала и неотрывно пялилась в его голубые глаза. Напоследок Василевский обнял меня. Тогда я совсем растерялась. В это время мимо нас пробежала Диана Руднева. Девчонка крикнула звонким голосом:

– Лидия Андреевна к нам на перемене заходила, велела тебя за список поблагодарить. Спасибо, Вер!

Я только кивнула.

– До встречи, Вера, – улыбнулся Марк.

– До встречи, – пролепетала я.

А потом ко мне подлетела рассерженная Ирка с кучей громких претензий:

– Ты что, с Рудневой разговариваешь? С этой предательницей? А почему Василевского в ответ не обняла? Ой, Вера! Какая ж ты все-таки... Нет, он точно на тебя запал!

– С чего это вдруг? – спросила я. В ногах снова легкость, будто до этого со мной случилось какое-то наваждение.

– Уж больно часто вертеться вокруг тебя стал. А ты амеба амебой! Слушай, следующий шаг обязательно должен быть за тобой. Не теряйся!

– Какой шаг? – не поняла я. – И ты не могла бы не кричать об этом на всю гимназию?

Ирка с пониманием закивала, но говорить стала ничуть не тише:

– Ну, если он не увидит твоей заинтересованности, то сольется. Поверь мне! Данька говорил, что парням нечего ловить, когда нет ответной реакции. Мол, зачем тратить время, ведь еще так много рыбы в море. Даня не истина в последней инстанции, конечно, но ты бы хоть в ответ пофлиртовала с Марком.

– Пофлиртовала? А как? – спросила я.

Ирка, взяв меня под руку, повела к гардеробу.

– Ну ты что, не флиртовала никогда? – удивилась Третьякова.

– Нет, – честно ответила я. – С кем? И тебе ли этого не знать.

Ирка только растерянно захлопала глазами.

– Действительно. Что-то я ничего такого не припомню. Ладно, не переживай, что-нибудь придумаем. Возьмем его горяченьким.

Я только рассмеялась. Третьякова такого напридумывает, мало не покажется.

У Ирки дома мы снова уселись с тарелками на балконе, но, на удивление, мне кусок в горло не лез. Заметив мое настроение, подруга спросила:

– Ты не больна?

– Да нет, просто ведь недавно обедала в столовке, – ответила я. – К тому же мы сегодня с папой в ресторан идем, там поем.

Кажется, это и было причиной потери аппетита, хотя Третьякова все списала на мою любовь к Василевскому. Но чем ближе был час икс – совместный ужин с Катериной, тем сильнее я нервничала, и идти мне никуда не хотелось. Чувствовала, как от волнения подкатывает тошнота. Но не пойти я не могла. Поэтому, спустя пару часов спустившись домой от Ирки, принялась за сборы.

Сильно наряжаться для незнакомой женщины, которая, возможно, даже когда-нибудь переедет к нам, не хотелось. Но папа все-таки будет ждать меня в приличном месте – дорогом ресторане, поэтому я достала из шкафа платье, которое надевала лишь раз, на свадьбу троюродной сестры в прошлом году. Его отец купил без моего ведома. Наверное, снова думал, что мне лет двенадцать, иначе как объяснить всю нелепость этого наряда? Светло-голубое, с пышной юбкой и рукавами-фонариками. В нем я напоминала себе куклу Тутти из «Трех толстяков», а еще казалась младше своих лет. Стоя в этом дурацком платье перед зеркалом, почему-то представила себе, как незнакомая женщина потреплет меня по щеке и, сюсюкая, проговорит отцу что-то вроде: «Ой, какая она у тебя холёсенькая!» Тошнить начало сильнее. Тогда я взяла из косметички черный карандаш и как следует подвела глаза, совсем как Амелия Циглер. Теперь мой вид получился еще более странным. Воздушное нарядное платье совсем не гармонировало с тяжелым макияжем. Наверняка папина новая пассия решит, что я сложный подросток, которому не хватает внимания. А мне его вообще хватает? Ведь на самом деле я часто чувствую себя одинокой. И какая, к черту, разница, что подумает обо мне какая-то Катерина? Я отлипла от зеркала, выбежала в прихожую и, схватив с вешалки джинсовку, выскочила за дверь.

Отец встретил меня у входа в ресторан. Он стоял на крыльце и с кем-то болтал по телефону. Я терпеливо топталась рядом в ожидании, когда он завершит разговор.

– Привет, – проговорил папа, положив трубку и рассеянно чмокнув меня в макушку. Потом схватил за плечи и отстранил от себя. Внимательно оглядел лицо. – А ты обычно так и красишься? Не замечал раньше.

– Обычно – нет, – сказала я. Все-таки зря я, наверное, совершила этот небольшой акт протеста. Думала, папа ничего не заметит. – Но сегодня же необычный вечер, – добавила я язвительно.

– Да, да, – закивал отец, явно не уловив мой сарказм. – Ну что, заходим внутрь? Катерина звонила. Она немного задерживается.

– Не отличается твоя Катерина пунктуальностью, – проворчала я.

– Перестань! – рассмеялся отец. – Она тебе понравится.

Я лишь натянуто улыбнулась в ответ. Сама почему-то в этом очень сомневалась.

В нарядном просторном зале ресторана наигрывал оркестр. Мы заняли столик у окна. Отец с рассеянным видом взял меню и протянул мне.

– Выбирай, что хочешь.

А сам сцепил руки замком и неотрывно следил за дверью. Волнуется. У меня точно такая же привычка сцеплять руки до побелевших костяшек. Например, когда я плохо готовлюсь к урокам и боюсь, что меня вызовут, сижу за партой в такой же позе.

– Я тут впервые, сам выбирай, – наконец отодвинула я от себя папку с меню.

– Хорошо.

Отец подозвал официанта и сделал заказ. Потом снова посмотрел на дверь, и вдруг его лицо просветлело. Папа как-то странно и незнакомо для меня улыбался. Никогда прежде не видела на его лице такую улыбку – влюбленного и счастливого человека. Тогда я, заинтересовавшись, тоже повернулась к входу в зал. И то, что я увидела, если честно, привело меня в шок.

– Пап, это что, шутка? – нахмурившись, спросила я.

– А что такое? – взволнованно спросил отец.

Я не сводила взгляда с миниатюрной брюнетки, которая, звонко стуча каблукками, приближалась к нашему столику. Сколько же ей лет?

– Ты бы еще с девчонкой из параллельного класса замутил, – прошипела я.

– Я же говорил, у вас много общего, – отмахнулся отец, вставая на ноги, чтобы поприветствовать свою новую пассию.

– Она моя ровесница? – ахнула я.

– За кого ты меня принимаешь? – оскорбился отец. – Катерине двадцать пять.

Я только удрученно вздохнула. Катерина оказалась тоненькой, словно тростиночка. С длинными темными волосами и подтянутой фигурой без единого изъяна. А еще с неестественным загаром. Видела бы эту девицу Ирка, обязательно бы высмеяла и обозвала «муклой». Мы с Третьяковой часто таких «Катерин» обсуждали.

Брюнетка широко и как-то дерзко улыбалась. Она не похожа на маму. Совсем. Моя мама – высокая натуральная блондинка с карими глазами и рассеянной доброй улыбкой. Сроду бы не подумала, что папу может привлечь совершенно иной тип женщины. Отец чмокнул Катерину в щеку и помог сесть.

– Простите, задержалась, – низким голосом проговорила брюнетка. – Долго ждете?

– Что ты... – начал папа.

– Долго, – сказала я, перебив отца.

Тогда Катерина подняла на меня карие глаза и улыбнулась, сверкнув белоснежными зубами.

– Прости, Вера. Я больше так не буду.

Мне показалось или в ее голосе звучала ирония? Хотя улыбка в тот момент была довольно искренней. Из-за этого я немного ступевалась.

– Ладно, что уж...

За столом воцарилось неловкое молчание. Отец попеременно смотрел то на меня, то на брюнетку...

– Как дела в школе? – наконец спросил он. Мы с Катериной переглянулись.

– Разве мы здесь собрались для того, чтобы обсуждать мою школу? – искренне удивилась я. Папу никогда не интересовал этот вопрос, а тут вдруг вспомнил.

– И все-таки? – Теперь отец в волнении потирал руки.

– Нормально, – пожала я плечами. – Написали почти все годовые контрольные. Директриса утвердила список для лагеря.

Про лагерь я сказала нарочно, а то отец наверняка об этой поездке уже позабыл. Теперь мне еще больше не хотелось оставаться под присмотром разукрашенной Катерины.

– Для какого лагеря? – оживилась брюнетка. Вряд ли ее это особо интересовало, но возникшая до этого пауза достигла высшей точки, и молчать нам было уже просто неприлично.

– Для обычного, летнего, – ответила я, ковыряя вилкой белую скатерть. Говорить о том, что он еще образовательный с ежедневными занятиями по разным предметам, мне не хотелось. Катерина и так смотрела на меня свысока, как на маленького несмышленного ребенка.

– Вера у нас общественница, – ответил отец за меня. – Правая рука директрисы.

– Ну уж не правая рука, – возразила я.

– Общественница? – снова удивилась Катерина.

– Бывшая жена называет Веру Шурочкой из «Служебного романа».

Катерина как-то неестественно захихикала, а я впервые в жизни почему-то почувствовала себя неуютно из-за того, чем занимаюсь.

– Ну да, я люблю помогать другим, – сказала я.

– Ты, наверное, еще и отличница? – спросила Катерина. И из ее уст это прозвучало так, будто учиться на хорошие оценки – что-то забавное и недостойное. И все-таки хорошо, что я не сказала о направленности лагеря.

– У меня проблемы с физикой и химией, – призналась я.

Мне надоело, что мы обсуждаем мои школьные дела, а эта профурсетка еще и откровенно смеется.

– А вы с кем живете, Катерина? – спросила я без всякого перехода.

– Снимаю квартиру с подругой.

– А работаете где?

– Пока ищу себя, – призналась девушка.

– У-у, ну понятно, – сказала я, даже не пытаясь скрыть раздражение.

Отец почуял, что запахло жареным, и принялся расхваливать Катерине блюдо, которое он заказал, пока мы ее ждали. Я видела, что папа пытается найти между мной и Катериной какую-то общую тему, но из этой затеи у него ничего не получалось. Честно сказать, я не могла понять, чем же мы похожи, кроме того, что эта пигалица на шпильках может слушать ту же музыку, что и я.

Без стеснения я пялилась на Катерину, пока она разглядывала диковинное блюдо, которое наконец принес нам официант. Вздернутый нос, черные как смоль волосы, длинные ресницы. И пухлые губы – наверняка не свои. Но многим мужчинам такие девушки бесспорно нравятся. Поверить не могу, что мой отец попал в это число. Есть в этой девушке что-то, кроме внешности типичной инстадивы? Катерина подняла голову, и мы встретились взглядами. Заметив, как я тарашусь на нее, брюнетка натянуто улыбнулась:

– Мне кажется, мы с тобой подружимся.

Ох, вряд ли. Такая девица скорее могла бы возглавить компанию Соболь, потеснив нашу школьную королеву. Я вспомнила чувства, которые испытала, когда мама представила мне по видеосвязи своего нового бойфренда: жгучего мексиканца, ни слова не понимающего по-русски. Да и английский язык у него на уровне начальной школы. Мне казалось, я никогда не оправлюсь от «нового папы», а настоящий отец подsunул мне эту несчастную Катерину... Родители будто назло выбрали карикатурные вторые половинки. А кто бы им подошел? И подходили ли они друг другу? Решили бы мои папа и мама связать себя узами брака, если б у них случайно не получилась я?

Ужин наш не клеился. Отец безуспешно пытался найти точки соприкосновения, Катерина преимущественно молчала, а я практически каждую фразу папы воспринимала в штыки. В конце концов он молча расплатился за ужин, и мы вышли на улицу.

Повеяло вечерней прохладой. Отец, на секунду замешкавшись, снял с себя светлый тренч и накинул на плечи Катерины, которая явилась в ресторан в откровенном коротком платье.

– Потом вернешь, – сказал папа.

– Спасибо за ужин, – все-таки поблагодарила Катерина. При этом почему-то взглянула на меня, будто это была моя идея нам всем собраться. Я демонстративно отвернулась. Насмешливый тон этой разукрашенной девицы за ужином по поводу моей отличной успеваемости рассердил. И вообще, откуда она свалилась на наши головы? Меня вполне устраивало, когда папа крутил романы и ни с кем меня не знакомил. Значит, теперь все серьезно? Катерина переедет к нам? Я уже представила всевозможные банки и склянки в ванной, глупые разговоры за завтраком... А еще она «ищет себя». Отлично! Значит, садится отцу на шею. От всех этих мыслей становилось тоскливо.

– Мы тебя подбросим до дома, – сказал папа Катерине.

– Не стоит, я закажу такси, – запротестовала брюнетка.

– Отличная идея, а то мне еще уроки делать, – встряла я. – Некогда нам рассекать весь вечер по городу.

Хотя с домашним заданием я расквиталась еще у Третьяковых. Отец и Катерина переглянулись, папа растерянно пожал плечами, а его пассия ухмыльнулась. Думали, я не замечу?

– Приятно было познакомиться, – проговорила Катерина. Кажется, без особой искренности.

– Взаимно, – сказала я и первой направилась к парковке.

– Вера, возьми ключи! – выкрикнул папа. Пришлось возвращаться.

В машине я прождала еще минут пятнадцать, стараясь не пялиться в боковое зеркало на отца и Катерину, которые миловались на крыльце ресторана. Когда папа наконец сел на водительское сиденье, то первым делом сердито произнес:

– Где твои манеры? Ты вела себя невежливо.

– О чем ты с ней разговариваешь? – спросила я, пристегиваясь. – Она показалась мне пустой.

– Ты просто совсем ее не знаешь, – мягко возразил папа, выруливая с парковки. – Обычно она другая. У вас обеих какая-то защитная реакция друг на друга. Я и тебя сегодня не узнаю. Чуть не сцепились, как две дворовые кошки.

Я молча уставилась в окно, за которым сверкали огни мегаполиса. Мы мчались по вечернему городу на приличной скорости.

– К тому же она слишком молодая! – горячо продолжила я. – Сколько у вас лет разницы? Ведь больше десяти!

– Ты еще совсем ребенок, – покачал головой папа.

– А на днях ты жаловался, что я теперь слишком взрослая, – тут же возразила я. – Тебе не угодишь.

– Разве любовь – это только про разговоры? – спросил папа, переводя взгляд на меня.

– Любовь – это и про разговоры, и про поцелуи. И про объятия, и про взаимопонимание, и про то, как засыпаешь и просыпаешься с мыслью об одном человеке. Любовь – это вообще про всё, – сказала я.

Отец продолжал искоса поглядывать и улыбаться.

– Какие познания, – наконец проговорил он. – А у тебя...

– Господи, папа, нет! – перебила я. Вот уж с кем, а с отцом я точно не собиралась обсуждать тему «Есть ли у тебя мальчик». – У меня никого нет. Это все в теории.

– А-а-а, – протянул папа. – Теоретик, значит.

Оставшийся путь мы проехали молча. Когда добрались до дома, двор уже окружили густые сумерки. Выходя из машины, я заметила вдалеке парня, похожего на Марка. Пригляделась: точно, он.

– Пап, я к Ире забегу и домой.

– А твои несделанные уроки? – насмешливо спросил отец, закрывая машину.

– Это и касается уроков, – сказала я, оглядываясь. Марк направлялся в сторону нашего дома. Первая мысль, которая мелькнула: «Наверняка он здесь не случайно...»

– Как знаешь, – ответил отец, проследив за моим взглядом. Увидел вдалеке парня и заулыбался. Его ехидная улыбка мне совсем не понравилась.

Захотелось убежать следом за ним в подъезд, чтобы многого себе не надумывал, но почему-то я осталась стоять на месте. Разглядела, что у ног Марка крутится небольшой пушистый пес. Василевский еще и собачник. Боже, как мило! Марк что-то читал в смартфоне, экран освещал его красивое лицо. Но чем ближе одноклассник подходил к нашему дому, тем сильнее меня охватывала паника. Прямо как сегодня в гимназии. Ирка сказала, мне нужно сделать шаг навстречу... Выкрикнуть его имя? Подойти самой? Поболтать, спросить, что он забыл в наших краях? И я шагнула. Только в другую сторону. Отбежала на пару метров и спряталась под тополем. Просто вспомнила о своем дурацком виде – об этом детском платье с рукавами-фонариками, о своем «дерзком» макияже... Вот-вот Марк поднимет голову и разглядит мою фигуру под деревом. Еще больше запаниковав, я отлипла от тополя и бросилась в сторону

старого детского городка. Нет ничего глупее прятаться в деревянном замке от парня, который тебе до безумия нравится. Я вбежала на второй этаж и от неожиданности едва не вскрикнула.

– А ты что здесь делаешь?

Глава пятая

Никита сидел на полу, вытянув длинные ноги. В темных джинсах, серой кенгурухе и потертой джинсовой куртке. Я огляделась по сторонам. Забавно, не была в нашем убежище несколько лет, а здесь почти ничего не изменилось. Правда, на удивление, было очень чисто. И тесно. В детстве мне эта комнатка на втором этаже казалась намного просторнее. Яровой, подняв на меня глаза, казалось, ничуть не удивился нашей встрече. Медленно, будто нехотя, убрал ноги, пропуская меня сесть рядом. Я расположилась напротив, у небольшого окошка. Тоже уселась на пол, наплевав на нарядное платье. Никита молча продолжал оглядывать двор, слушая громкую музыку в наушниках. Я смогла разобрать старую песню «My Chemical Romance».

Некоторое время я тоже пялилась в небольшое окошечко, затем потянулась к Яровому, забрала у него один беспроводной наушник и всунула в свое ухо.

– До сих пор это слушаешь? – спросила я.

– Я много чего слушаю, – ответил Никита, не поворачивая ко мне головы. – Ты раньше их тоже любила.

– А я много кого и чего раньше любила, – сказала я. – Все можно перерастить.

Никита усмехнулся и наконец посмотрел на меня. В густом сумраке его серые глаза стали совсем темными, а остальные черты лица будто смазались.

– Хорошая группа была. Жаль, что распались.

– Ничто хорошее не вечно. Так что ты здесь забыл?

– Я тут часто сижу, – сказал Яровой. – Обычно когда с отчимом поссорюсь.

– М-м.

В домике пахло сигаретами, мятной жвачкой и прохладным майским вечером. В этот момент по двору мимо моего подъезда прошли Марк и его забавный пес, похожий на пуховый шарик. А вдруг Василевский пришел в наш двор из-за меня? Ведь я говорила ему, где живу. От этой мысли я даже дышать перестала. Яровой тоже наблюдал за Марком из окна.

– А ты прячешься от своего мальчика-зайчика?

– Почему это он мальчик-зайчик?

– Всегда такой причесанный, – улыбнулся Яровой.

– Тебе б самому причесаться не мешало.

Но Яровой только нарочно взъерошил волосы еще больше. Затем так внимательно посмотрел на меня, что на секунду я не знала, куда себя деть. И эта сумрачная комнатка показалась мне еще меньше, чем была на самом деле.

– Ты сегодня как-то необычно выглядишь, – наконец произнес Никита.

Это он, вероятно, про мой макияж. Или про глупое платье Тутти.

– Мой протест миру, – сказала я с вызовом.

Никита немного помолчал, а потом засмеялся. Так громко и заразительно, я даже испугалась, что нас услышит Василевский. Марк по-прежнему стоял возле моего подъезда и ждал, пока его пес обнюхает все близлежащие кусты. Конечно, вряд ли Василевский пойдет проверять, кто там так расшумелся, но вполне может разобрать наши голоса.

– Блин, Никита, заткнись, – зашипела я, схватив Ярового за рукав джинсовки и попытавшись унять его дикий хохот. – Ты всегда смеешься над тем, что совсем не смешно. И держи свой наушник!

– Ты просто бунтарь в кукольном платье, – проговорил Яровой, забрав наушник и оглядев меня с ног до головы.

– Это долгая история, – только и сказала я.

Раньше я бы выложила ему все, что случилось. Но сейчас Яровой даже не уточнил, что же со мной произошло. Я снова выглянула в окно. В доме напротив, как по команде, зажегся свет.

– Если он тебе нравится, почему ты прячешься? – спросил Никита. Что ж, вполне логичный вопрос.

– Он мне не нравится, – покраснела я. Наверняка Никита видел мои позорные метания под тополем. – Ну, может, нравится, но совсем чуть-чуть.

– Понятно, – кивнул Яровой.

Но меня от охватившего смущения будто прорвало:

– Ирка сказала, что следующий шаг обязательно должен быть за мной. А я не знаю, как это – шагать кому-то навстречу, понимаешь?

Никита молча смотрел на меня.

– Зачем я тебе это сказала? – рассердилась я на себя.

– Действительно, – согласился Никита. – Хочешь, помогу?

– С Марком? А как? – засомневалась я. – Ты только можешь морды бить парням, которые мне нравятся.

Никита на мой выпад никак не отреагировал. Полез в карман джинсовки и достал оттуда старенький серый айпод «Нано».

– Твой прилизанный Маркуша сегодня в раздевалке оставил. Не успел ему отдать после физры, он уже умчался. Вот и шагай к нему навстречу вместе с айподом.

Я тут же протянула руку и взяла плеер. Что ж, отличный повод начать разговор с Василевским.

– Спасибо, – сказала я, покрутив в руках айпод. – Помог.

– Не просто так, – сверкнул белозубой улыбкой Чеширского кота Яровой.

– Кто б сомневался, – проворчала я, вспомнив недавнюю контрольную по химии. После нее Ирка уже была назначена до конца лета ответственной за вынос мусора. – У вас с Даней ничего просто так не бывает.

Никита, испытывая мое терпение, продолжал расслабленно улыбаться и молчать. Что он задумал? Терпеть такое поведение не могу. И оскал этот тоже. Еще не хватало потом весь вечер прокручивать в голове улыбающегося Ярового.

– Отмажешь меня от лагеря? – наконец попросил Никита. – Правда, не хочу никуда ехать. Такое сборище народу вообще не для меня. Мне надо отдохнуть.

Теперь настала моя очередь глазеть на Никиту. Громкая музыка в его наушниках перестала играть, и в домике стало совсем тихо. Только деревья во дворе шумели листвой.

– Хорошо, – кивнула я. – Ты никуда не поедешь. Я найду тебе замену.

Никита снова улыбнулся.

– Спасибо. Ну что, Верона, вспомним молодость? В картишки?

Когда-то мы здесь сутками резались в карты.

– В картишки? – переспросила я.

– Ага, на раздевание, – Яровой поиграл бровями, а в его серых глазах запрыгали чертики. Конечно, никаких карт у Никиты с собой не было, это он так, снова хочет вывести меня из равновесия.

– Ты же знаешь, что я плохо играю в карты.

– Тогда сразу снимай с себя платье.

– Дурак!

Я, крепко сжимая в руках айпод Василевского, принялась на коленях выползать из домика, придерживая рукой край юбки.

– Спокойной ночи! – выкрикнула я, уже будучи на первом этаже. – Спасибо за айпод!

Яровой не отозвался. Что ж, кто бы сомневался.

Выбравшись из деревянного замка, я направилась по темному двору к своему подъезду. Пару раз обернулась к старому городку, точно зная, что Никита по-прежнему там и в эту самую секунду не сводит с меня взгляда. Странно, что за эти несколько дней мы общались с ним

больше, чем за последние пару лет. А еще я вдруг осознала, что не испытываю к Яровому былой ненависти. Но и прежней любви тоже не было. Я больше не чувствовала абсолютно ничего, а это еще хуже.

* * *

После второго урока, когда большинство одноклассников уже покинули кабинет и отправились в столовую, к нашей с Ирккой парте подошла Амелия Циглер.

– Привет! – поздоровалась она с нами. Голос у Амелии низкий и хриплый. И вообще, как уже говорила Ирка, эта девчонка вселяет какой-то ужас.

Третьякова, которая уже собиралась подняться из-за стола, замерла на месте.

– Привет! – ответила я.

Ирка продолжала недоуменно таращиться на одноклассницу, будто к нам подплыло привидение.

– Ты отвечаешь за список в лагерь? – спросила у меня Амелия. И тон ее был каким-то насмешливым, будто я занималась глупостями. Чем-то это мне напомнило вчерашний разговор с Катериной в ресторане.

– Ну, я за него отвечаю, – произнесла я с вызовом.

Как-то раз мы сцепились с Амелией. Она только пришла к нам в класс и на первом же уроке уселась на мое место. Тогда я тактично попробовала объяснить новенькой, что так дела не делаются и лучше бы ей подыскать другую парту. Циглер место уступила, но при этом обозвала меня глупой Барби и посоветовала подыскать себе новые мозги. Произнесла она это так громко, что обидную реплику расслышали все одноклассники. Я никогда не имела недругов, поэтому меня тут же захлестнула волна возмущения. Я посоветовала Циглер остерегаться меня, но, конечно, ничего ей сделать не могла. Поэтому мы просто молча изредка друг на друга с презрением смотрели и ни разу толком и не общались. Зато Циглер могла запросто отпускать ядовитые шуточки в мой адрес. Она редко открывала в гимназии рот, но если уж и говорила, то что-нибудь неприятное обо мне. А тут пришла о помощи просить?

– Можешь включить меня в список? – спросила Амелия.

Я растерянно захлопала глазами, а Ирка вцепилась рукой в мое плечо. Мол, не смей!

– Вообще-то список уже укомплектован, – сообщила я. Старалась произнести это как можно равнодушнее, но ответ все равно получился злорадным. О том, что Яровой отказался ехать в лагерь, Циглер было знать необязательно. – И Лидия Андреевна уже его утвердила. Если бы ты не сбежала с последнего урока, знала бы, что директриса вчера зачитала вслух все фамилии.

– И нет никакой возможности поехать?

Непробивная Амелия даже казалась расстроенной.

– Нет, увы, – покачала я головой. – Все десять мест заняты.

Тогда глаза Амелии внезапно будто блеснули огнем, а у меня мурашки забегали по коже. Циглер многозначительно прищурилась.

– Что ж, посмотрим, кто поедет.

И как ни в чем не бывало отошла от нашей парты. Мы с Ирккой моментально забыли о столовой. Когда Амелия вышла из класса, Ирка грохнулась на стул и выпалила:

– Фух, хорошо, что ты ее не вписала! Mamочки, у меня даже ладони вспотели, какая она жуткая!

– Как думаешь, что означает это ее «что ж, посмотрим»? – почему-то запаниковала я.

– Считаешь, она найдет на тебя проклятие?

– А ты считаешь, только в тебя она вселяет страх?

– Я стараюсь вообще о Циглер не вспоминать, – призналась Ирка. – Да ладно тебе, ты чего так побледнела? Что она может тебе сделать? Амелия даже в классе ни с кем не дружит.

– Не знаю, мне не по себе, – призналась я.

Однако вскоре было уже не до Циглер. Все мои мысли занимал предстоящий разговор с Василевским. Выловить Марка удалось лишь после уроков, когда мы всей параллелью отправились в актовый зал, чтобы разобрать по ролям пьесу для одиннадцатиклассников. Ирка с Даней к тому времени уже слиняли домой, не сильно горя желанием участвовать в самодеятельности, хотя я и назначила Третьякова осветителем. Я дождалась, пока от Василевского отклеится наш одноклассник Слава Подорожников, а когда Марк наконец остался один, нащупала в кармане айпод и, набравшись смелости, пошла навстречу.

– Привет! Почему тебя не было на первом уроке? – спросила я первое, что пришло в голову.

– Привет! – отозвался Василевский с улыбкой. В его голубых глазах появился незнакомый блеск. – С утра на соревнованиях был. Занял призовое место.

– Ой, поздравляю! – заулыбалась я в ответ. Наверное, улыбка была дурацкой – в пол-лица. В кармане я по-прежнему вертела в пальцах плеер. А может, пригласить Марка куда-нибудь? Куда? В кафе-мороженое? Детский сад! В кино? Это романтично. Сидеть вместе в темном зале, брать попкорн из одного стакана и при этом изредка, словно невзначай, дотрагиваться до его пальцев... И тут я поняла, что молча стою перед Василевским слишком долго. Замечталась. – Вот, держи!

Я протянула айпод.

– Как он у тебя оказался? – искренне обрадовался Марк.

Надеюсь, он не решит, что я тайком пробралась в мужскую раздевалку и выкрала плеер.

– Ты выронил у спортзала, – нашлась я. – Но так быстро ушел из гимназии...

– Да, у меня была тренировка перед сегодняшним соревнованием, – закивал Василевский. – Как здорово, что ты его нашла! Ему столько лет... Там вся моя музыка, вся жизнь.

Я продолжала улыбаться, мысленно благодаря за плеер Никиту. Теперь бы выполнить его просьбу и отмазать от лагеря. В который мы, между прочим, отправимся вместе с Марком. Боже, какое счастье!

После репетиции Марк снова оказался возле меня. Я видела, что он собирается начать новый разговор. Наверняка хочет первым пригласить меня на свидание. Я подалась вперед, навстречу Марку, но тут возле нас сразу же возникла Соболев.

– Азарова, это твой рюкзак в рекреации валяется?

– Что?

Соболев впиалась в меня немигающим пронзительным взглядом. Когда я отвернулась, чтобы отыскать глазами рюкзак, Оксана уже вышла из актового зала. Моего рюкзака действительно не было. Что за ерунда? Я совершенно точно помнила, что, придя на репетицию, бросила его на одно из кресел последнего ряда.

– Случилось что-то? – спросил Марк с беспокойством. Потому что мой вид в тот момент был совсем растерянным.

– Рюкзак пропал, – сказала я. – Наверное, Ирка вернулась и решила меня развести. Пойду поищу.

Василевского в тот момент тоже окликнул кто-то из одноклассников. Многие еще не разошлись, толпились у сцены, выясняя оставшиеся организационные вопросы. Обломалось мое свидание. Ведь он бы пригласил! Обязательно пригласил бы. Будь неладна эта Соболев.

Я вышла в пустую рекреацию и тут же увидела свой рюкзак, сиротливо валяющийся на полу у ножки одной из деревянных лавок. Тут же подбежала к нему и осмотрела. Кто-то явно подопнул его – на переднем черном кармане красовался пыльный след от обуви. Ну и кому взбрело в голову так шутить? Не иначе Соболев, увидев, как мило мы беседуем с Марком, ута-

щила мой рюкзак, а потом вернулась с новостью о том, что его украли. И не могло же все ограничиться одним пинком... Наверняка эта стерва подбросила мне что-нибудь противное или, наоборот, вытащила и испортила какую-нибудь вещь. Как косметичку Сухопаровой. Я тут же проверила лямки и замки. Нет, на первый взгляд рюкзак в норме. Тогда в чем подвох? Я растянула молнию. На глаза тут же попался свернутый лист бумаги. Предчувствуя катастрофу, руки слегка задрожали. Я – не конфликтный человек, но если Оксана задумала какую-то гадость... Ей несдобровать.

На листе было напечатано большими буквами: «Отлично, список утвержден. Дотянешь до лагеря?» Какие гадкие шутки у этой дуры. Я заволновалась. Пока Соболь только угрожает, а если перейдет к активным действиям? Мало ли чего от этой чокнутой можно ожидать.

В задумчивости я так и продолжила сидеть на полу посреди просторной рекреации. Вскоре раздались голоса ребят, вышедших из актового зала. Внезапно кто-то положил руку на мое плечо. Я подняла голову и увидела перед собой девчонку из параллельного класса, Люсю Антоненко.

– Вер, все в порядке? – обеспокоенно поинтересовалась она. Присела рядом со мной на корточки. – Ты какая-то бледная.

– Да-да, все отлично! – быстро проговорила я, сворачивая обратно лист. Люся уже с любопытством уставилась на послание.

– Может, тебе водички принести? – спросила Антоненко.

– Нет, все нормально! – сказала я, первой поднимаясь на ноги. – Просто кое-что в рюкзаке искала.

Было странно искать что-то в рюкзаке, сидя на полу перед лавкой.

– Ну ладно, – растерянно отозвалась Люся, вставая следом за мной. – Это хорошо, если у тебя все нормально.

Я только кивнула в ответ. Да уж, лучше не придумаешь. Люся ушла вслед за своими одноклассниками, а я сунула послание обратно в рюкзак. И тут же увидела, что компания девчонок под предводительством Соболя стоит в конце коридора. Они что-то бурно обсуждали и звонко смеялись. Оксана смотрела в мою сторону, не переставая натянуто улыбаться. Мне тут же захотелось с визгом побежать по длинному коридору и впиться в ее красивые рыжие волосы. В уме я представляла, как оттащу ее за космы, повалю на пол, да еще и по брендовой сумке потопчусь. Но я лишь проигнорировала неискреннюю улыбку Соболя и направилась к лестнице. Что ж, предупрежден, значит, вооружен.

* * *

Дома меня ждал еще один сюрприз. Дверь была закрыта только на нижний замок, а это означало, что папа дома. Днем. Может, заболел?

Как только я открыла дверь, до меня донесся сухой кашель.

– Я дома! – выкрикнула я. – И ты, судя по всему, тоже!

Отец не ответил. Лишь снова зашелся в тяжелом кашле.

Я разулась, бросила многострадальный рюкзак на пол и прошла в папину комнату. Отец лежал под одеялом перед плазмой и смотрел документальный фильм по каналу «Discovery».

– Заболел?

– Ушел из офиса пораньше, – жалобно проговорил папа. – Вер, а где у нас градусник?

Я, тяжело вздохнув, направилась на кухню, где в одном из шкафчиков хранилась аптечка. Разумеется, папа этого не знал. Раньше за медикаменты в нашем доме отвечала мама, теперь Софья Николаевна. Я схватила аптечку и пошла обратно в комнату.

– Мне нужно вылечиться до командировки в Италию, – сказал папа, глядя, как я резко стряхиваю градусник.

– Вылечим, – пообещала я. – Врача только надо вызвать.

– Ох, – обессиленно выдохнул папа, закрывая глаза.

– Где ты так умудрился простыть? На улице духота.

– Вот именно что духота, – не открывая глаз, слабым голосом проворчал папа. – Сижу целый день в офисе под кондиционером.

Когда папа болел, он становился просто невозможным. Я уселась рядом с ним на край кровати.

– Как дела в школе? – спросил отец лишь для того, чтобы что-то спросить.

– Отлично! – тут же отозвалась я. Письмо с угрозой все еще было в рюкзаке, но вряд ли папа заинтересуется моей душещипательной историей о том, как две девчонки не поделили золотого мальчика Марка Василевского.

– Вер, мне на больничный нельзя, – сказал папа голосом умирающего лебедя. – У меня важная поездка на носу.

– Угу.

– Вер, а есть такая таблетка, чтобы выпил, и сразу ничего не болит? И чтобы ка... кашель, – папа закашлялся, – сразу прошел.

Я, не ответив, потянулась за градусником.

– Тридцать семь и девять.

– И что делать?

– Ложись и помирай.

– Ну Вера! – закапризничал папа. – Это такие шутки у тебя? Я ведь серьезно спрашиваю.

– Тогда уколы ставить, – припугнула я.

– Я не хочу уколы!

– Ты, папа, как маленький, – покачала я головой. – Ладно, погоди, тете Соне позвоню, спрошу, как лучше поступить.

Отец слабо закивал и снова прикрыл глаза. Его черные ресницы оттеняли бледные щеки.

Софья Николаевна долго охала и ахала, а затем принялась читать мне нотацию:

– Квартиру чаще проветривай. И обязательно обильное питье! Ты морс варить умеешь?

– Морс? – переспросила я. – Из ягод?

– Ну да.

– Из замороженных?

– Ох, – снова запричитала Софья Николаевна. – Ну как вы без меня? Я внуков на дачу увезла, что детям торчать в такую погоду в квартире? Была бы в городе, сразу б к вам приехала! Завтра с утра на первую электричку сядем. Ой, Вер! Жаропонижающего нет, купить бы надо. Если температура повысится, беги в аптеку! Слышишь меня, Вер?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.